

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2312-8321

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

02'17

ТЕМА НОМЕРА

Русская усадьба

«УСАДЕБНЫЙ ЭКСПРЕСС» | ПРОГРАММА «АРЕНДА ЗА РУБЛЬ» | ОРДЕНСКИЙ ЗАМОК БАЛГА

ПОРТАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ТРАДИЦИЙ РОССИИ «КУЛЬТУРА.РФ» — ЭТО МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ФОНД ДОСТИЖЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Архитектура и кино, музыка и живопись, театры и музеи, традиции и нематериальное культурное наследие — мы говорим с пользователем на любую тему из сферы культуры.

На портале собрана информация об учреждениях культуры нашей страны, публикуются анонсы культурных мероприятий столицы и регионов. Здесь легально и совершенно бесплатно можно посмотреть театральные спектакли, художественные, анимационные и документальные фильмы, лекции и мастер-классы деятелей культуры и искусства.

Мы предоставляем возможность совершить виртуальные прогулки по ведущим музеям страны и городам России.

141

ОБЪЕКТ АРХИТЕКТУРЫ

848

ЛЕКЦИЙ ОНЛАЙН

643

СПЕКТАКЛЯ ОНЛАЙН

1339

ФИЛЬМОВ ОНЛАЙН

237

ВИРТУАЛЬНЫХ ТУРОВ

365

ОБРАЗОВ РОССИИ

Ваш навигатор по культурной жизни страны.

vk.com/cultrf

instagram.com/cultrf

facebook.com/cultrf

twitter.com/cultrf

ok.ru/cultrf

viber.com/cultrf

Охраняется государством

№2'2017

- 4 Колонка редактора
- 6 События

Русская усадьба

- 8 Их ещё можно спасти
*Семь масштабных усадеб
Подмосковья, требующих
срочных инвестиций*
- 18 «Усадебный экспресс»
Вадима Разумова
*Русские усадьбы и современное
сельское развитие*

История наследия

- 28 Два дома – две судьбы
*Знаменитые адреса князей
Лобановых-Ростовских в
российских столицах*
- 34 Мотор «счастливейших
минут»
Пушкинское наследие Гурзуфа

Философия наследия

- 40 Квинтэссенция наследия

Объекты АУИПИК

- 50 Орденский замок Бальга
- 60 Аренда за рубль

Художественный раздел

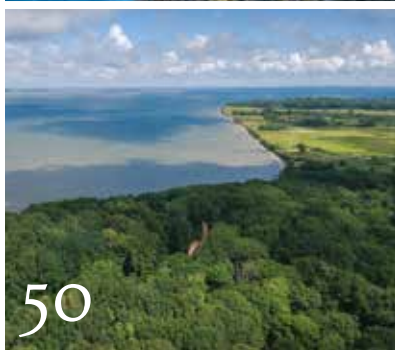
- 64 Писатель русской усадьбы

Summary

68

Мнение

- 26 Евгений Попов.
Отец сибирских городов
- 48 Марина Кудимова.
Эталонный наместник

ISSN 2312-8321

Издание Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК)

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Эл № ФС77-56187 от 15 ноября 2013 г.

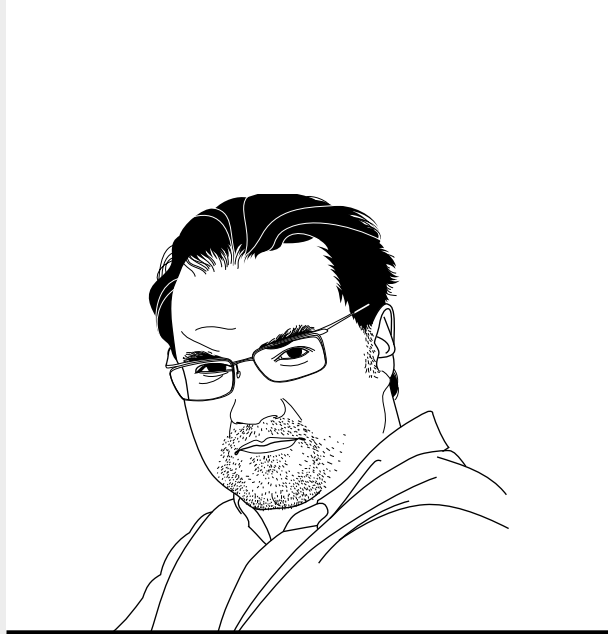
127006 г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3.
Тел./факс: (499) 705 20 00
www.aupik.ru

Главный редактор
Андрей Новиков-Ланской
Шеф-редактор
Аурен Хабишев
Шеф-дизайнер
Дмитрий Макалкин
Дизайн, верстка
Урал Мухтаруллин
Иллюстрации
Мария Заикина
Фото обложки
Вадим Разумов

Адрес редакции:
Москва, 1-й Голутвинский пер, д.3/5,
стр. 3

Тел.: (495) 134 25 86
sprql.info

www.ohrangos.ru

Главная тема

Андрей Новиков-Ланской

Наш журнал постоянно обращается к прошлому и настоящему русской усадьбы – уникальному историческому феномену, не только архитектурному, но и социокультурному. На этот раз мы решили сделать разговор о судьбе русской усадьбы главной темой номера.

В журнале рассказывается о самых разных усадьбах, однако в своем небольшом комментарии мне хочется перечислить не топонимы, а имена людей. Ведь именно благодаря таланту, профессионализму и душевной отзывчивости вполне конкретной личности разговор о сохранении культурного наследия оказывается содержательным и продуктивным.

Прежде всего, хотел бы упомянуть удивительного Вадима Разумова. Имя этого сравнительно молодого, но уже так много сделавшего человека приходит на ум одним из первых, когда речь заходит о русской усадьбе. То, что несколько лет назад начиналось как хобби — ведение тематического фото-блога в Живом Журнале — превратилось в масштабный проект по систематизации и популяризации русской усадебной культуры. Журнал «Охраняется государством» давно и тесно сотрудничает с Вадимом: наши редакторы хорошо знают, где можно оперативно найти точную информацию и профессиональные фотографии самых разных, в том числе малоизвестных объектов. В этом номере мы публикуем материал Вадима Разумова о семи крупных, но заброшенных усадебных комплексах Подмосковья, представляющих интерес для патристически настроенных инвесторов. Кроме того, мы расскажем о новом просветительском начинании Вадима — туристическом проекте «Усадебный экспресс».

Важнейший социально-экономический аспект возрождения русской усадьбы как хозяйственного объекта освещён в статье Александра Васильевича Петрикова, академика РАН и директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики. Это глубокий анализ современной ситуации и разбор возможных решений. Лично же мне особенно приятно, что размышляя о русской усадьбе в научных терминах, академик опирается в том числе на тексты русской литературной классики и приводит цитаты из Пушкина.

Однако на наших страницах можно встретить статьи не только корифеев гуманитарной науки, но и начинающих исследователей. Так, сегодня мы предлагаем вниманию читателей исторический экскурс, написанный молодым ученым из Германии Хенрике

Боог и повествующий о непростой судьбе одного из старейших строений на территории современной России — рыцарском замке Бальга. Этот замок был построен Тевтонским орденом в первой половине XIII века недалеко от Кенигсберга и серьезно пострадал в годы Второй мировой войны. Сегодня АУИПИК совместно с немецкими коллегами разрабатывает концепцию восстановления уникального объекта — и это прекрасный пример международного сотрудничества, особенно символично звучащий в выпуске журнала, который выходит в свет ко Дню Победы.

Еще одно имя, которое часто появляется в материалах нашего журнала — древняя фамилия князей Лобановых-Ростовских. К их историко-культурному наследию мы неизбежно обращаемся, когда речь заходит и средневековой Руси с ростовскими князьями, ведущими происхождение от самого Рюрика, и об эпохе династии Романовых, при которых Лобановы-Ростовские были одним из самых блестящих светских семейств, и о культуре русской диаспоры. На этот раз мы расскажем о двух жемчужинах русской архитектуры — классицистическом дворце Лобанова-Ростовского в Санкт-Петербурге, знаменитом «Доме со

льями» возле Исаакиевского собора, и барочном доме Лобанова-Ростовского на Мясницкой улице в Москве. Прокомментировать эти памятники согласился наш давний друг Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, известный лондонский коллекционер и филантроп.

И отдельно хочется поблагодарить Евгения Анатольевича Попова и Марину Владимировну Кудимову, крупнейших современных писателей, руководителей Русского ПЕН-центра, за написанные по просьбе журнала авторские колонки. Все-таки, взгляд писателя и его память — это особые взгляд и память. Работая то с неожиданно подмеченными деталями, то с художественным переосмыслением, то с философскими обобщениями, творческое сознание выстраивает личностную целостную картину — которая порой оказывается не менее точной и достоверной, чем подлинный документ. А в эпоху торжества копий и подделок точность и достоверность — едва ли не самое главное. ▀

В эпоху копий и подделок точность и достоверность — едва ли не самое главное.

В Ленинградской области восстановят дом Петра I

Губернатор Ленинградской области Александр Дрозденко предложил воссоздать дом Петра I в городе Лодейное Поле. «Лодейное Поле – родина российского военно-морского Балтийского флота. И потому будет правильно, если рядом с памятным знаком, установленным на берегу Свири, будет воссоздан дом Петра I, основавшего здесь Олонецкую верфь», – сказал губернатор.

История зарождения города Лодейное Поле началась с момента закладки здесь Петром I судостроительной верфи. Строительство верфи Балтийского флота стартовало в 1702 году на Лодейной пристани в деревне Мокришвице. Судоверфь получила название «Олонецкая», так как относилась к Олонецкому уезду. Торжественное открытие верфи состоялось 24 марта 1703 года, в тот же день было заложено девять ступеней.

Поселок Мокришвица постепенно разрастался и в 1785 году по приказу Екатерины II стал городом Лодейное Поле. В 1820-м верфь была закрыта: в то время набирали мощь верфи в Санкт-Петербурге, и нужда в Олонецкой верфи отпала. Но всего за 130 лет существования Олонецкой судоверфи было построено почти 450 судов. Корабли, которые были построены на Олонецкой верфи, отличились в крупнейших морских сражениях Северной войны и в морских путешествиях. ■

XII Национальная премия «Культурное наследие – 2017»

Организатором премии, которая вручается в конце мая, выступает Национальный Фонд «Возрождение русской усадьбы» при поддержке Министерства культуры России. В конкурсе могут принять участие как физические, так и юридические лица, представившие реализованные проекты и результаты постоянной деятельности в сфере сохранения, популяризации и возрождения объектов наследия: деятели науки, культуры, образования; краеведы, реставраторы, архитекторы, археологи, дизайнеры. Объектом оценки является деятельность соискателя по сохранению, популяризации и возрождению объектов недвижимого культурного наследия (исторические жилые здания, усадебные и дворцовые комплексы, культовое зодчество, объекты промышленной архитек-

туры, дачи, ландшафтная и садово-парковая архитектура), созданных в период до 1917 года, находящихся на территории бывшей Российской империи и относящихся к культурному наследию России. Особенностью конкурса в нынешнем году будет широкое участие молодежи во всех номинациях, в том числе открытие номинации «Новое поколение»: возрастной порог для лауреатов этой номинации – 33 года. Лауреатами новой номинации могут стать молодые искусствоведы, археологи, архитекторы-реставраторы, музейные работники, градостроители, краеведы. Также будет учреждена номинация «Историческое поселение», лауреатами могут стать специалисты – градостроители, общественники, искусствоведы, краеведы, представители администрации исторических поселений. ■

Реставрация крымского модерна

Памятники архитектуры регионального значения в крымском Симеизе – виллы «Ксения» и «Мечта» – получают новую жизнь. Последние двадцать лет строения были в запустении, но недавно их начали реставрировать. Виллы «Ксения» и «Мечта» являются визитной карточкой большой Ялты. Но их история до сих пор остаётся загадкой для краеведов. Остается непонятным, как на берегу Чёрного моря появились здания в стиле модерн с элементами

готики. Вилла «Ксения» была построена в 1911-м, автором проекта фасада был Николай Краснов. Рядом – вилла «Мечта», которая строилась по проекту неизвестного архитектора. До сих пор точно не установлено, кто был владельцем вилл. После революции в зданиях располагались санаторные корпуса, а в 1990-е годы строения забросили. Теперь виллам обещают вернуть первоначанный вид и превратить их в музеи. ■

«Королевские ворота» отреставрируют

Начинается реставрация «Королевских ворот» – филиала Музея Мирового океана в Калининграде, средства на нее выделены по федеральной целевой программе. Снята экспозиция, проводится гидрофобизация, на стены наносится специальный соляной раствор, чтобы осушить их. Памятник архитектуры несколько десятилетий подвергался воздействию воды, и чтобы привести его в порядок полностью, требуется много времени. Если наружная часть стены просыхает естественным образом, то внутренней требуется искусственное вмешательство. Работы по контракту должны завершиться до 30 июля 2017 года. Королевские ворота входят в комплекс семи сохранившихся городских ворот Калининграда. Расположены на пересечении улицы Фрунзе и Литовского вала. В 2005 году Королевские ворота были символом празднования 750-летия города. С этого же года ворота являются филиалом Музея Мирового океана. В них расположена экспозиция, посвященная посещению Кёнигсберга Великим посольством Петра I. Ворота выстроены в псевдоготическом стиле и внешне напоминают маленький замок. ■

Новая жизнь «Мавритании»

Памятник архитектуры федерального значения – торговые ряды «Мавритания» в Благовещенске – отреставрируют. После ремонта исторический объект передадут краеведческому музею и на его базе сделают художественную галерею. Сейчас в этом здании, что находится по улице Богдана Хмельницкого, располагается Институт геологии и природопользования. Руководство института сообщило о том, что они

не против передать здание на культурные нужды. Размещать лаборатории по современным стандартам в нем они не могут, так как здание является памятником архитектуры. Планируется, что после реконструкции фасад здания предстанет в первоначальном виде. Будут восстановлены и входные двери в каждой секции, отделенной колоннами, как было при постройке в 1907 году. ■

Министерство исторического наследия появится в Ульяновской области

В России появится Министерство исторического наследия – региональное. Решение о создании Министерства по сохранению исторического наследия огласил губернатор Ульяновской области Сергей Морозов. Новое ведомство займется не только исполнением полномочий по государственной охране памятников области, но и комплексным развитием исторических зон, территорий и отдельных памятников в городах и муниципалитетах. Министерство планирует создать в самое ближайшее время. Оно должно быть сформировано на базе действующего регионального управления госохраны памятников за счёт перераспределения сотрудников существующих ведомств, без увеличения штатного количества региональных чиновников. ■

The background image shows the interior of a large, old building in a state of significant disrepair. Several tall, weathered columns support a high ceiling. A large, arched window on the left side allows natural light into the space. The walls and floor are crumbling, with exposed brick and debris visible. The overall atmosphere is one of neglect and decay.

Их еще можно спасти!

Семь масштабных усадеб Подмосковья,
требующих срочных инвестиций

Вадим Разумов, фото автора

Считается, что настоящая красота вечна.

Нам кажется, что предметы, украшающие нашу жизнь, наделены еще и стойкостью, которая даст им возможность пережить многие поколения. Увы, это не относится к русским дворянским усадьбам. Несмотря на то, что многие из них смогли пережить революции, войны и годы советской власти, они нуждаются в спасении. В особенности это касается крупных и знаменитых усадебных комплексов, для возрождения которых нужен заботливый инвестор, готовый превратить увядающую красоту в перспективный объект с романтическим шлейфом истории. Мы поговорим о самых крупных, известных и перспективных усадебных комплексах Подмосковья, которые срочно нуждаются в новом хозяине.

Усадьба Петрово-Дальнее

Это имение, живописно раскинувшееся на берегу Москвы-реки близ ее впадения в Истру, с 1720 года принадлежало Голицыным, известному и состоятельному княжескому роду. Современному туристу трудно поверить в то, что когда-то на территории классической усадьбы располагался комплекс построек в стиле псевдоготики. Однако внешний облик этих сооружений сохранился лишь в мемуарах современников. В начале XIX века имение Петрово-Дальнее было перестроено и приобрело черты классического стиля. Обновленная усадьба смогла относительно безболезненно пережить Отечественную войну 1812 года. Отряд французов, расположившийся

в усадьбе, разрушил несколько хозяйственных построек, но дом уцелел. Вплоть до самого начала XX века Петрово-Дальнее продолжало процветать. Гости усадьбы вспоминали, что у Голицыных было так много картин, книг и предметов, представляющих художественную ценность, что его запросто можно было сравнить с музеем.

После революции драгоценные художественные коллекции усадьбы Петрово-Дальнее попали в многочисленные музеи. Примечательно, что в первые годы советской власти в этой усадьбе функционировал музей дворянского быта. Однако вскоре пространство усадьбы приспособили под другие социальные учреждения. Большие перспективы по возро-

ждению усадьбы Петрово-Дальнее сулила его реставрация, которая состоялась в 70-е годы прошлого века: тогда советские мастера вернули ей облик прошлых лет. Но в усадьбе так и не была налажена полноценная хозяйственная деятельность. Это привело к тому, что на сегодняшний день эффект от реставрации почти полувековой давности равен нулю – на данный момент исчезновение имению Петрово-Дальнее не грозит, но интерьеры его главного дома сильно обветшали и находятся в неподобающем состоянии. Спасти столь масштабный усадебный комплекс сможет только инвестор, который грамотно распорядится ее ресурсами, перед этим приведя ее в надлежащий вид.

Усадьба Гребнево

Это роскошное дворянское имение, возведенное в XVIII – первой четверти XIX столетия, историки и краеведы называют одним из самых красивых и значимых памятников архитектуры Московской области. «Сердцем» усадьбы является величественных трехэтажный дом-дворец, дополненный галереями и павильонами. Парадный въезд в усадьбу отмечен монументальными въездными воротами, выполненными в виде триумфальной арки. Ансамбль усадьбы дополняют и подчеркивают двухэтажные гостевые флигели. Кроме того, на территории усадебного комплекса расположены различные хозяйственные постройки. Красив и примечателен и обширный гребневский парк: в него входит регулярный липовый сад и пруд с островами. Когда-то гребневские острова выполняли роль одного из главных центров светской жизни дореволюционной усадьбы Гребнево – на них располагались многочисленные беседки и садово-парковые павильоны.

А Гавриил Бибииков, которому некогда принадлежало имение, организовал на одном из островов амфитеатр. В ту пору на театральные постановки в Гребнево съезжался весь свет дворянской Москвы.

Усадьбой Гребнево в разное время владели представители таких известных фамилий, как Трубецкие, Бибииковы и Голицыны. Каждый из хозяев имения стремились улучшить и укрепить красоту и могущество этой усадьбы. Так продолжалось до революции 1917 года. Некоторое время после становления советской власти Гребнево было любимым местом отдыха работников Московского художественного театра. Но спустя несколько десятилетий усадьба, переживающая целую череду разрушений, произошедших на ее территории, пришла в упадок. До наших дней в надлежащем состоянии дошел лишь храмовый комплекс усадьбы, представленный церковью Гребневской иконы Божией матери 1791 года постройки и

церкви Святителя Николая Чудотворца, возведенной в 1823 году.

В апреле 2016 года часть главного дома в усадьбе Гребнево подверглась обрушению. В настоящее время в усадьбе завершены работы по консервации и укреплению старинных построек, но эти меры не решают судьбу Гребнево. Усадьбу готовят к очередному аукциону. Организаторы торгов надеются, что Гребнево заинтересует инвесторов, которые отреставрируют это имение и приспособят его под современное использование.

Усадьба
Петровское-
Княжицево

Сегодня усадьба Петровское-Княжищево представляет собой, скорее, живописные руины, нежели полноценный архитектурный комплекс. В позапрошлом веке это имение принадлежало богатейшему роду российских промышленников – Демидовым. Эта усадьба была возведена по инициативе Никиты Акинфеевича Демидова для его супруги. Историки и искусствоведы подчеркивают, что по своей архитектурной форме это имение напоминает знаменитую

итальянскую виллу «Ротонда» архитектора Андреа Палладио, расположенную возле Виченцы. Главный усадебный дом-дворец был украшен колоннадами, портиками и скульптурами, а рядом с особняком был разбит роскошный парк в смешанном стиле.

К сожалению, судьба этого подарка Никиты Демидова оказалась весьма печальной. Супруга промышленника так и не смогла поселиться в имении, которое предназначалось для нее – незадолго до окончания стро-

ительства она трагически скончалась. Убитый горем Демидов так и не смог жить в особняке, ставшем символом его главной жизненной драмы. Его наследники тоже не проявляли интереса к управлению родовым имением. Петровское-Княжищево сменило множество владельцев, и после революции было национализировано и предано забвению. С тех пор усадебный комплекс Демидовых является постоянным героем дискуссий о самых проблемных усадьбах Подмосковья.

Усадьба Никольское-Урюпино

Имение Никольское-Урюпино славится своей красотой. Этот усадебный комплекс был возведен представителями рода Голицыных, которые владели им с 1777 по 1917 год. По одной из версий, к строительству этого имения причастен архитектор Шевалье де Герн, известный своими работами в подмосковном Архангельском. Одной из самых знаменитых построек усадьбы является павильон «Белый домик» с уникальными интерьерами, богатейший декор которых сохранился до на-

ших дней. Как и многие дворянские имения, после революции Никольское-Урюпино было национализи-

ровано. Вскоре на территории усадьбы разместилось военное ведомство и исследовательский центр.

Первая попытка передачи имения в частные руки была предпринята в 1999 году, однако инвестор не выполнил своих обязательств по его восстановлению и усадебные постройки продолжили разрушаться. В 2004 году в пожаре почти погиб главный дом бывшей усадьбы Голицыных.

Усадьба выставалась на торги, однако новый собственник имения так и не был найден.

Усадьба Ярополец Чернышевых

Небольшое подмосковное село Ярополец является настоящим музеем под открытым небом. На его территории расположено сразу два больших усадебных комплекса, известных на всю Россию. Это, разумеется, усадьба Гончаровых, в которую приезжал Александр Пушкин, и усадьба Чернышевых, возведенная екатерининским фаворитом Захаром Григорьевичем Чернышевым. И если Ярополец Гончаровых восстановлен в послевоенные годы и приспособлен под нужды МАИ, то чернышевский Ярополец неизбежно разрушается.

Амбициозный Захар Чернышев стремился придать своей усадьбе облик царской резиденции и даже он

создал на своих угодьях майорат — «государство в государстве», главой которого выступил собственнически. Большой двухэтажный дворец в стиле классицизма с использованием пилястров для декорирования фасадов был построен в шестидесятых годах XVIII века. Его парадный въезд украшали башни с зубцами. А окружал великолепный дворец большой парк в смешанном стиле со множеством павильонов и монументов: «Турецкая мечеть», «Храм дружбы» и даже памятник Екатерине Великой. Другой выдающейся достопримечательностью усадьбы Чернышевых является храм Казанской иконы Божией Матери, построенный в 1798 году — стро-

ение, редкое по своей красоте и богатству убранства.

В годы советской власти усадьба Чернышевых начала ветшать. До наших дней некогда прекрасный дом-дворец дошел в руинированном состоянии. К сохранению этой уникальной архитектурной достопримечательности местные власти и краеведы регулярно призывают инвесторов и активистов. Частично данный посыл дал свои плоды, в 2016 году началась консервация Казанского храма. Однако дворец и парк, в реставрацию которых необходимо вложить значительное количество средств, продолжает разрушаться в ожидании своего спасителя.

Усадьба Семеновское-Отрада

Имение Семеновское-Отрада принадлежало Владимиру Григорьевичу Орлову. В отличие от своих легендарных братьев, поспособствовавших восхождению Екатерины Великой на престол, Владимир Орлов не тяготел к придворной жизни и военной карьере. Он питал страсть к наукам и тихой размеренной жизни. В конце XVIII века на землях, дарованных братьям самой императрицей, он начал строительство огромного усадебного комплекса. Его центральным звеном стал дом-дворец, построенный в переходном стиле от барокко к классицизму. Орлов любил европейскую культуру и стремился придать своей усадьбе особый зарубежный колорит. В своей усадьбе Орловы вели не только светскую

жизнь, но и активную хозяйственную деятельность. На территории имения был разбит масштабный пейзажный парк, который сохранился до сих пор.

Среди других наиболее примечательных архитектурных объектов в Семеновском можно назвать церковь Николая Чудотворца в стиле позднего барокко и усыпальницу, возведенную архитектором

Доменико Жилярди в 1832–1835 гг. в стиле классицизма.

Несмотря на вековое отсутствие хозяйственной деятельности на территории усадьбы, Семеновское хорошо сохранилось до наших дней. Однако многие постройки этой усадьбы сильно обветшали и нуждаются в реставрации. Сегодня имение Орловых находится в ведении санатория ФСБ России, в связи с чем доступ к посещению усадьбы частично закрыт для туристов и посетителей.

Необходимость передачи имения в частные руки неоднократно озвучивали историки и активисты, однако на сегодняшний день Отрада продолжает разрушаться, фактически оставаясь бесхозной.

Подмосковное имение Быково известно большинству жителей столицы благодаря своей необычайной красоте. На его территории расположен один из самых красивых и необычных храмов России, признанный шедевр великого русского зодчего Василия Баженова – Владимирская церковь. Не уступает Владимирскому храму в красоте и масштабный усадебный комплекс, принадлежавший в разное время Измайловым, Воронцовым-Дашковым, Ильиным.

Особняк имеет архитектурное сходство с величественными европейскими замками. Его интерьеры по красоте и богатству убранства могут сравниться с самыми красивыми дворцами двух российских столиц. Усадьбу окружает прекрасный сад с несколькими прудами и множеством парковых сооружений. После революции усадьба стала государственной собственностью, здесь разместился противотуберкулезный диспансер, который лишь недавно покинул главный усадебный дом. Сегодня прекрасный особняк перестал как-либо использоваться, и доступ внутрь главного дома для туристов закрыт. Проблему сохранения и дальнейшего развития усадьбы Быково можно решить только с помощью привлечения государства или инвесторов. ▣

Усадебный экспресс

Вадим Разумов

В декабре 2016 года в Москве стартовал новый туристический проект, получивший название «Усадебный экспресс». Его инициировал известный фотограф, усадебовед и блогер Вадим Разумов при поддержке ЦППК и Министерства культуры Московской области.

За несколько месяцев пассажиры «Экспресса» смогли посетить несколько масштабных экскурсий, которые существенно отличаются от многих поездок, предлагаемых рынком туристических услуг. Какой смысл вложил Вадим Разумов в создание собственного проекта и какие новые направления скоро появятся у «Усадебного экспресса»?

Вадим Разумов известен среди краеведов и многочисленных интернет-пользователей как автор блога «Летопись русской усадьбы». Уже более восьми лет Вадим занимается изучением, съемкой и популяризацией русских дворянских усадеб. Отправляясь к очередной старинной достопримечательности, он берет с собой профессиональную фототехнику и квадрокоптер, старинные карты и архивные материалы – все это поможет ему не только зафиксировать нынешнее состояние усадьбы, но и максимально точно передать своим читателям первоначальный художественный замысел архитекторов, которые трудились над их созданием. Свои рассказы о старинных усадьбах Вадим выкладывает у себя в блоге и регулярно публикует в ведущих российских журналах.

Недавно Вадим основал два интересных проекта – «Усадебный экспресс» и интернет-ресурс по продаже исторической недвижимости.

Если сайт по продаже исторической недвижимости еще только набирает обороты, то пассажирами «Усадебного экспресса» уже стали около четырехсот москвичей и гостей столицы. «Усадебный экспресс» был презентован в декабре 2016 года, а на сегодняшний день пассажиры проекта совершили путешествие в Мелихово, Большие Вяземы и Захарово, Мураново и Абрамцево, Марфино и Федоскино, Гребнево, Фряново и Райки, Ивановское и Дубровицы.

«Общаясь со своими знакомыми и читателями, я понял, что россияне испытывают большой интерес к туризму и историческим достопримечательностям. Однако на самостоятельные поездки многие из них по разным причинам просто не решаются: кто-то не знает, как сделать свою поездку разнообразной, кто-то испытывает проблемы с транспортом, кто-то не может позволить себе путешествие с детьми, а кому-то просто хочется получить качественный и готовый туристический продукт. И вот мне пришла идея создания такого

проекта, который стал бы олицетворением комфортной поездки для всех категорий наших туристов.

С самого начала изучения усадеб я говорил себе: вот это да! У нас в стране столько красоты, как же хочется рассказать о ней всем, разделить с соотечественниками

собственной стране! Туристические фирмы, действующие на территории России, зачастую работают по одной схеме и не предоставляют своим клиентам широких возможностей для регулярных путешествий по усадьбам. Я почувствовал в себе силы изменить некоторые стереотипы о культурном отдыхе в нашей стране», — рассказывает об истории зарождения проекта «Усадебный экспресс» его основатель.

Используя свои профессиональные навыки, Вадим Разумов первым делом предложил существенным образом изменить логику путешествий по усадьбам. Он понимал, что дорожно-транспортная ситуация столицы существенно затрудняет выезд из города, что приводит к тому, что туристические

это удивительное чувство гордости за историю своей страны. Но не все в нашей жизни бывает так просто. Уже очень скоро я приступил к тщательному анализу рынка и опросам потенциальных клиентов. Выяснилось, что реалии нашей туристической инфраструктуры таковы, что многие россияне, привыкшие к комфорту в мельчайших деталях, просто не хотят «экстрима» при поездке по

автобусные группы, попадая в незапланированные пробки, не только отбиваются от программы путешествия, но и испытывают целый спектр неприятных впечатлений. Решение этой проблемы Вадим нашел в заключении сотрудничества с ЦППК. Он сделал ставку на выигрышный вариант логистики и решил, что его туристы будут добираться до усадеб по железной дороге. Следующим шагом по созданию турпроекта стало изучение железнодорожной сети России и формирование на ее основе оригинальных туристических маршрутов. Визитной карточкой поездок Вадима стало присутствие в программах всех поездок посещения усадеб. Но только на дворянских имениях он останавливаться не хотел, программы были дополнены поездками в богатые достопримечательностями города

и небольшие села с традиционной этнической культурой, в музеи и парки.

«Помните фразу о том, что театр начинается с вешалки? Так вот, и экскурсия остается в памяти туриста в значительной степени благодаря своим милым деталям. Командой «Усадебного экспресса» мы специально разрабатываем список приятных мелочей для каждой поездки: это может быть подарок, необычный сувенир, неожиданный поворот в программе. И, конечно же, мы особенно тщательно подходим к сервисной и экскурсионной части поездок. Мы были приятно поражены тому, насколько талантливые и гостеприимные люди работают в наших музеях-усадьбах. Перед каждой поездкой я приезжал к руководителям музеев и детально обсуждал с ними экскурсионные программы. Часто выяснялось, что работники культуры уже разработали десятки интересных и необычных маршрутов, однако из-за стремления многих туроператоров к стандартности, просто не могли воплотить свои идеи в жизнь. Бывают и такие случаи, когда оригинальные экскурсии разрабатываются специально для «Усадебного экспресса». Ведь мы уверены: туристов нужно удивлять!

Такого же подхода мы придерживаемся и в выборе меню. Еще на стадии планирования проекта я решил, что поездки «Усадебного экспресса» обязательно должны дополниться кулинарными путешествиями. Нам видится очень важным, чтобы каждый наш пассажир получил возможность окунуться в атмосферу дворянского быта, в том числе, при дегустации блюд по старинным рецептам. Многие удивляются тому, что я самостоятельно посещаю несколько ресторанов и пробую десяток блюд, прежде чем решить, какому заведению мы доверим кормить своих туристов. Однако, мне видится это чрезвычайно важным и правильным, — подчёркивает Вадим Разумов.

Другой отличительной особенностью поездок «Усадебного экспресса» является их обширная интерактивная часть. Мастер-классы, квесты, театральные постановки, балы, салоны, концерты, спектакли и костюмированные представления — все это стало

теперь доступно для жителей Москвы и гостей столицы. Среди пассажиров «Усадебного экспресса» можно встретить и зарубежных гостей, любителями подмосковных усадеб не раз оказывались русскоговорящие гости из Франции, Греции и Германии. Вадим Разумов подчеркивает, что стратегической целью развития его проекта является открытие направления работы с иностранными туристами. Говоря о перспективах

«Усадебного экспресса», его основатель особое внимание уделяет развитию детского и семейного туризма. Уже сейчас среди постоянных клиентов «Усадебного экспресса» много семей с детьми: самым маленьким участникам этого туристического проекта тоже не приходится скучать в поездке, ведь ее программа универсальна.

Помимо развития бизнес-проекта «Усадебного экспресса», Вадим Разумов серьезно относится к идее социально ответственного предпринимательства. Сейчас его команда готовит специальный тур для подопечных одного из детских хосписов, а в будущем руководитель турпроекта планирует организовывать

благотворительные туры для других нуждающихся категорий населения.

Стремительно расширяется и география присутствия «Усадебного экспресса». В апреле текущего года, спустя всего лишь пять месяцев после старта проекта, первое пробное путешествие под эгидой проекта прошло в Санкт-Петербурге.

«Мы хотим предоставить петербургским туристам расширенную возможность наслаждаться прекрасными местными дворцами и усадьбами! Уже совсем скоро в Северной столице пройдет наша вторая экскурсия с необычным интерактивом. А в мае этого года «Усадебный экспресс» впервые покинет пределы Московской области. Мы подготовили для своих любимых клиентов замечательные туры по Рязанской и Тульской области с посещением Константиново, Ясной Поляны и других выдающихся усадеб. В то же время мы бы не хотели раскрывать все наши планы — ведь особый стиль нашего проекта предполагает создание приятных сюрпризов», — резюмирует Вадим Разумов. ▣

*Мы были приятно
поражены
тому, насколько
талантливые и
гостеприимные
люди работают
в наших музеях-
усадьбах.*

Русские усадьбы и современное сельское развитие

Александр Петриков

*Автор – директор Всероссийского института аграрных
проблем и информатики имени А.А. Никонова ФАНО России,
доктор экономических наук, профессор, академик РАН.*

*Идея восстановления русских усадеб не как
архитектурных памятников, а как социального
и хозяйственного явления современной сельской жизни
кажется утопичной и вызывает иронию у многих.
Конечно, нельзя вернуть в нашу действительность
усадебную жизнь ушедших веков, как нельзя дважды
войти в одну и ту же реку. И всё же.*

«Но ведь сохранились фамильные замки в Западной Европе!» — напоминают сторонники идеи. «Но их сохранили и продолжают лелеять их законные хозяева, — возражают их оппоненты, — этого сословия давно уже нет в России». Именно по этой причине возможность реституции прав бывших земельных собственников всерьез даже не обсуждалась у нас в начале девяностых в ходе земельной реформы. И всё же восстановление усадеб, на наш взгляд, может стать проектом сельского развития в России, а не только заботой музейных работников. В этом убеждает несколько весьма важных обстоятельств.

Во-первых, благодаря русской литературе образ усадьбы занимает в нашем самосознании совершенно особое место и, сродни граду Китежу, является олицетворением золотого века русской жизни. Интерес к этому социально-культурному и хозяйственному феномену никогда не исчезал, даже в период коммунистического строительства, пусть и в форме научного интереса.

Во-вторых, налицо заметная увлеченность современного российского общества историей — не только

историей России в целом, но и историей своего края, населенного пункта, родословной своей семьи. Краеведческое движение переживает настоящий бум. Могут об этом судить на примере учрежденного ещё при советской власти в 1989 году общества «Энциклопедия российских деревень», которое создает летописи сел и деревень России, как живущих, так и ушедших. Общество работает по сей день, проводит раз в два-три года конференции по изучению сельской России, издает труды, не получая при этом ни копейки бюджетного финансирования.

В-третьих, все более и более масштабным среди горожан становится социальное движение «вперёд (а не назад) в деревню». Несмотря на то, что по-прежнему сельская молодёжь стремится в города и в целом saldo миграционного обмена между городом и селом не в пользу деревни.

Формы бегства из «городского рая» весьма разнообразны: организация фермерских хозяйств, дачное строительство, летний отдых в деревне, туризм и аграрный туризм, переезд на постоянное жительство. Приведем несколько цифр. Как показала Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года, в России 174,6 тыс.

крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельским хозяйством (правда, сколько из них городских жителей наша статистика не учитывает); 76,3 тысячи некоммерческих объединений граждан – садоводческих, огороднических, дачных, что вполне сопоставимо с числом традиционных сельских населенных пунктов – 152 тыс. Около 40% городских семей проводят летние отпуска в деревне.

Важно подчеркнуть, что почти каждая городская семья стремится завести в деревне свою малую усадьбу (пусть и в виде дачи) или поселиться в усадебном доме. Заметным явлением среди фермеров стало возвращение в деревни, некогда покинутые их родителями. Выделилась группа так называемых «селообразующих» фермерских хозяйств, являющихся единственными работодателями в сельских поселениях.

Среди этого многообразия форм сельского ренессанса – пусть ещё и не такого масштабного, но уже заметного социального явления – встречаются примеры восстановления «дворянских гнезд», о которых известно по деятельности фонда «Возрождение русской усадьбы» и некоммерческого партнерства «Русская усадьба». Эти примеры пока очень немногочисленны и несопоставимы с численностью фермеров и дачников, но они есть. Возникла общественная инициатива по созданию «родовых поместий и поселений», подготовлен даже проект федерального закона «О родовых поместьях». Недавно организована Ассоциация владельцев исторических усадеб: пока в нее входит около тридцати человек, но за их плечами конкретный опыт воссоздания, казалось бы, утраченных усадеб.

Вместе с тем, государство основное внимание уделяет сохранению усадеб как архитектурных памятников или музеев, когда речь идет об усадьбах, прославленных классиками отечественной культуры. Настала пора соединить общественное стремление возродить усадебную жизнь с политикой

государства и совместными усилиями развивать усадьбы как естественный элемент русского сельского жизнеустройства.

Отрадные перемены все же происходят. Внесены поправки в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» в части льгот, предоставляемых физическим и юридическим лицам при передаче в аренду объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии. В Подмосковье действует губернаторская программа «Усадьбы Подмосковья». Однако государственное содействие восстановлению усадеб, к сожалению, остается, в основном, заботой Минкультуры России и профильных управлений региональных правительств, а не объектом межведомственного взаимодействия, в то время как воссоздание усадьбы – целый комплекс задач, находящихся в компетенции Минюста России, Минэкономразвития России, Минсельхоза России и др.

К сожалению, в действующих документах, определяющих политику сельского развития (например, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года, утвержденной правительством Российской Федерации в феврале 2015 года) ничего о восстановлении усадеб не сказано. Следует, по нашему мнению, внести поправки в этот документ, создать межведомственную комиссию по развитию усадеб, разработав специальные меры поддержки этой деятельности.

Непременным шагом должно быть правовое определение статуса усадьбы, подлежащей восстановлению, и условий предоставления необходимого для этого гранта. Грант, на наш взгляд, может быть выделен в случае, если: 1) усадьба отнесена к объектам культурного наследия федерального, регионального или местного значения; 2) нынешний или будущий владелец усадьбы в состоянии в определенной пропорции софинансировать проект; 3) восстановленная усадьба не только самоокупаема, но

*Настала пора
соединить
общественное
стремление
возродить усадебную
жизнь с политикой
государства и
развивать усадьбы.*

и приносит среднерыночный для избранного владельца вида деятельности доход.

Задачей государства является также содействие в формировании необходимых усадьбе земельных участков и инфраструктурное обеспечение инвестиционных проектов. Естественно предположить, что одной из отраслей хозяйственной жизни усадьбы будет сельское хозяйство в сочетании с аграрным туризмом, спрос на который с каждым годом растет. Между тем, в действующем законодательстве прописаны довольно жесткие условия субсидирования сельскохозяйственной деятельности: бюджетная поддержка оказывается только так называемым сельскохозяйственным производителям – юридическим или физическим лицам, в структуре выручки которых доходы от реализации сельскохозяйственной продукции составляют не менее 70 %. Аграрный туризм вообще не поддерживается. Необходимо изменить эти правила и субсидировать сельскохозяйственную деятельность усадеб независимо от структуры их доходов. Ставки субсидий для усадеб, ведущих органическое сельское хозяйство, должны быть (по примеру европейских стран) выше.

Сейчас трудно предположить, в каких ещё преференциях нуждаются инвесторы, планирующие вдохнуть новую жизнь в русские усадьбы, поэтому крайне важно обобщить опыт тех, кто уже прошел этот тернистый путь, а также осуществить в ряде регионов Центральной России пилотные проекты с целью отработки механизмов воссоздания усадеб с участием частного капитала. Ясно, что одной из главных проблем будет поиск «новых русских помещиков»: несмотря на то, что в России много богатых людей, большинство из них предпочитает покупать особняки и поместья в зарубежных странах, чем инвестировать в русскую провинцию и прежде всего в сельскую местность.

К сожалению, в России всегда не хватало просвещенных помещиков, занятие сельским хозяйством не пользовалось популярностью среди высших сословий российского общества. Достаточно вспомнить, что невинный совет Чацкого князю Платону Михайловичу «жить в деревне» рассматривается его женой как признак сумасшествия главного героя комедии «Горя от ума». Только уйдя в отставку с военной, дипломатической или гражданской службы, дворяне начинали всерьез заниматься своими деревнями, но много ли успеть на закате дней? Немногочисленные представители правящего класса и среди слушателей Петровки и других высших учебных заведений по сельскому хозяйству. После отмены крепостного права дворяне не смогли организовать конкурентоспособные хозяйства на основе наемного труда. Вишневые сады в итоге были вырублены. В советское

время сформировался корпус «красных помещиков», но стихия девяностых годов не пощадила их. Только сейчас возрождается традиция ведения крупного агробизнеса, но его неустойчивость ещё препятствует инвестированию в социально-культурные проекты. Инвесторы из других отраслей экономики – в большинстве своем выпускники несельскохозяйственных вузов – предпочитают вкладывать капитал в более доходный, чем аграрное дело, бизнес или покупать заграничную недвижимость.

Конечно, в России жила и другая традиция отношения к деревне и сельскому хозяйству. Как не неожиданно это звучит, у ее истоков стоял Пушкин. В «Романе в письмах» мы читаем следующее: «Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру – Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. – Тем и я кончу... Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением <м> трех тысяч душ, коих всё благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непросительно. Чем более имеем мы над ним <и> прав, тем более имеем и обязанности в их отношении».

Известно несколько попыток Пушкина уехать жить в деревню. В 1831 году Пушкин просил владелицу Тригорского П.А. Осипову помочь ему приобрести находившуюся по дороге от Михайловского в Тригорское деревню Савкину горку: «Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? – меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь». Однако плану поэта не суждено было состояться. Пушкин около полутора лет (апрель 1834 – июнь 1835) управлял семейными именьями, убрел Болдино и Кистенево от угрозы описи и взятия в опеку. В конце июня – начале июля 1834 года поэт просился в отставку с намерением покинуть Петербург и поселиться в деревне. В декабре 1836 года поэт вновь писал П.А. Осиповой, беспокоясь о судьбе Михайловского после смерти матери: «Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я – я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых». Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но сколько еще гениальных произведений создал бы поэт, если бы его деревенские планы стали реальностью. ■

ОТЕЦ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Евгений Попов

Сибирь – моя любимая часть света. Здесь любой мужик имеет биографию, достойную пера писателя Александра Дюма, виртуоза приключенческой литературы. Здесь тусклый с виду камень может оказаться самородком.

Здесь можно раствориться в «зеленом море тайги» и бесследно исчезнуть с глаз начальства, которое всегда и везде враждебно человеку. Здесь Дикий Восток плавно переходит в Дикий Запад.

«Я — гений Сибири, Новой Америки!» — кричал, эпатируя публику, первый сибирский футурист Антон Сорокин, автор книги «33 скандала Колчаку». Лауреат Гонкуровской премии современный французский писатель Andreï Makine родился в Красноярске и помнит об этом.

Сибирь — русский melting pot, плавильный котел. Ненцы, эвенки, долганы, хакасы, кеты, десятки других коренных национальностей жили здесь ВСЕГДА. Белолычие появились в Сибири в XV веке. За эти годы и столетия все переплавилось, кто бы что по этому поводу ни говорил, что бы ни декларировал. К примеру, у одного из главных радетелей русской идеи, жившего в городе И., стоящем на реке А., были выдающиеся азиатские скулы, доставшиеся ему в наследство от предков — тофаларов. Финн Тойво Ряннель стал знаменитым сибирским пейзажистом. Шукшин, говорят, был «из мордвы», а музыкальный грек Теодор Курентзис обрел здесь новую родину уже в XX веке.

Город Енисейск, с 1619 года расположенный на левом, низменном берегу Енисея, ниже впадения в него Ангара, по праву носит высокий титул отца сибирских городов, ибо некогда являлся главными воротами в Восточную Сибирь. Красноярск, Иркутск, Нерчинск, Братск, Якутск основаны енисейскими казаками. В Енисейске жил казачий атаман и торговец пушниной Семен Дежнев, открывший в 1648 году Берингов пролив на 80 лет раньше самого Витуса Беринга. В 1723-м Енисейск посетил ученый доктор Даниэль Готлиб Мессершмидт, командированный в Сибирь Петром Великим для изучения географии, этнографии, археологии и природы Сибири. В начале прошлого века не миновал этот славный город и знаменитый Фритьоф Нансен, сочинивший про свое путешествие книгу «В страну будущего».

Будущее Енисейска — это его настоящее. Город включен в список 115 исторических городов — памятников России. А исторический его центр даже попал в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО, ибо — хорошо это или плохо — центральная часть города, где расположены более 120 зданий-памятников — сохранилась без существенных изменений, по крайней мере, с конца XIX века. Я еще помню, как в начале 70-х годов века двадцатого водовоз развозил по деревяннным и каменным старинным домишкам Енисейска питьевую воду, а недавно прочитал в интернете, что

здесь устанавливают — диво-дивное! — первую чиповую уличную колонку, где воду нужно будет покупать по специальным карточкам типа кредитных.

Да, Енисейск, слава Богу, минула индустриализация, приведшая многие сибирские города на грань экологической катастрофы. Даже в некогда чистом Красноярске моего детства после строительства ГЭС и алюминиевого комбината появилось такое неприятное чудо, как кислотный снег. Время от времени власти вынуждены объявлять режим черного неба, когда замерзающий Енисей приносит в город туман с микроскопическими частицами химической пыли — а жители потом дышат этой жуткой взвесью.

Самым первым и наиболее известным памятником истории и культуры общероссийского значения в Енисейске является, конечно же, комплекс Спасского мужского монастыря XVII века с

дивным и величественным собором, построенным в традициях сибирского барокко. Естественно, в советское время здесь сначала была тюрьма НКВД, а потом пивзавод. Пиво в Енисейске вкусное, но теперь его варят в другом месте. Разоренный монастырь отреставрировали, реставрируют и будут реставрировать дальше. Мерзость запустения не так-то легко преодолеть, и

это касается не только монастыря.

Уникальный город, аналога которому нет не только в Сибири, но и в европейской России, сдержанно, достойно, гордо взывает о помощи, лелея тайную надежду на то, что хотя бы к его 400-летию, которое будет через два года, родина вспомнит о нем. Город спас свое культурное наследство тем, что после прокладки Московско-Иркутского тракта и Транссибирской магистрали стал дальней захолустной глубинкой. Однако оригинальность и степень сохранности его зданий, элементов декора, наличников, кованых водосточных труб, литых ручек, ажурных металлических оград, лестниц, решеток — все это привлекает не только сибиряков, но и гостей нашей страны со всех концов света. С тех пор как РСФСР стала Россией и были сняты многие нелепые запреты и ограничения, город все чаще посещают иностранные туристы, путешествующие по Енисею — из Германии, Швейцарии, Англии, Франции и других стран. Американцы тоже сибирской красоты не чураются, увозят домой НАСТОЯЩИЕ сувениры. В Енисейске, где нынче чуть меньше 20 000 жителей, вдруг появилось много народных мастеров-умельцев, художников. Есть здесь и поэты, и барды, и танцоры, и певцы. Старый сибирский город жив — и будет жить. ■

Сибирь - русский плавильный котел

Два дома –

две судьбы

Знаменитые адреса князей
Лобановых-Ростовских в
российских столицах.

Аурен Хабичев

Этот монументальный и величественный дворец был построен в 1817-1820 годах по проекту известного архитектора Огюста Монферрана (1786-1858). В обиходе здание также называют «Домом со львами». Дворец Лобанова-Ростовского является памятником архитектуры федерального значения, он стоит в самом центре Санкт-Петербурга на Исаакиевской площади.

Бывшая аристократическая резиденция князей Лобановых-Ростовских имеет треугольный вид. Украшенный портиком из восьми колонн коринфского ордера, возвышающимся над выступающей вперед аркадой, главный фасад здания обращен к Адмиралтейскому проспекту. Для удобства карет, подъезжающих ко дворцу, некогда были сделаны отлогие подъемы. Знаменитые львы работы скульптора П.Трискорни – пожалуй, главное украшение дворца – высечены из белого карарского мрамора.

На этом месте еще до появления Исаакиевской площади стояли деревянные частные дома и мазанки, но большую их часть уничтожил жестокий пожар, разгоревшийся в 1736 году в Санкт-Петербурге. Уже в начале XIX века на месте старого, третьего по счету Исаакиевского собора, который уже считался обветшалым, при поддержке российского императора Александра I, желавшего сделать Санкт-Петербург «краше всех посещенных столиц Европы» было решено возвести новый, четвертый Исаакиевский собор. В 1817 году участок земли в северо-восточном углу Исаакиевской площади был отдан супруге князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского, Клеопатре Ильиничне, для сооружения особняка по проекту Огюста Монферрана. 10 августа 1817 года Санкт-Петербургской управой у городского землемера Кашкина были заказаны два экземпляра плана «на Всемилоштивейше пожалованное Его Императорским величеством отставному полковнику Князю Лобанову-Ростовскому место на Исаакиевской площади». Строительство грандиозного сооружения началось в 1818 году.

Заниматься таким масштабным проектом было доверено государственной организации с любопытным названием «Комитет красоты и архитектурной дисциплины». Клеопатра Ильинична, судя по всему, была женщиной практического склада. Она подала идею мужу сделать из этого строения доходный дом и приспособить его для сдачи квартир в наём. Она и делами предприятия ведала лично. С 1821 года дом начали заселять арендаторы. Первыми были братья Леончини: их салон, в котором продавались алебастровые вазы, лампы и прочие предметы быта, располагался на первом этаже. Некоторое время это были единственные жильцы, так как особняк еще не был достаточно известным среди потенциальных арен-

даторов. Тогда Лобановы-Ростовские запустили рекламную кампанию, благодаря которой сумма доходов от сдачи помещений уже через три года выросла до 100 тысяч рублей в год.

В 1824 году в здании уже располагались первая в Петербурге литография, апартаменты литографа Петерса, мучная и мелочная лавки, провиантский департамент Военного министерства, Комиссия строительства Исаакиевского собора. В бельэтаже (втором по счёту, наиболее престижном этаже) сдавалась квартира с видом на Исаакиевскую площадь и Вознесенскую улицу, а также «две залы в том же этаже, хорошо отделанные, удобные для концертов и маскарадов». В целом, помещения бельэтажа были заняты преимущественно Провиантским департаментом военного ведомства, а также, в меньшей степени, Косморамай гамбургского живописца Сура (вероятно, сегодня мало кто знает, что такое «косморама» – о ней речь чуть ниже).

Третий этаж заполняли личные покои – управляющего княгини Лобановой-Ростовской, закройщика Шпицбарт, «мастера ольфрейной живописи» Мартушевича, некоего господина Орлова (за счёт Комиссии по строительству Исаакиевского собора) – и пансион госпожи Орсениус.

Парадная анфилада выходила на Адмиралтейский луг, в ней часто проводились различные светские мероприятия. Например, особая экспозиция, способная создать эффект стереоскопического, объемного восприятия показываемой картинке благодаря специальному оптическому оборудованию. Это и была Косморама Сура. Там были виды европейских городов, а также, учитывая особую популярность в то время Таганрога, печально известного как место смерти императора Александра I, в числе экспозиции был и этот город. Космораму посещали многие известные тогда современники. Журнал «Отечественные записки» писал о ней: «Если виды сии не заключают важного достоинства со стороны художества, то оптическая часть доведена до совершенства».

В новом доме также проводились литературные вечера. Например, любителям французской литературы месье Сен-Мор читал лучшие места из Корнеля, Расина, Мольера, Буало, Вольтера и других французских авторов. Посетить мероприятия можно было, как это сейчас сказали бы, при покупке «пакета», то есть сразу десяти вечеров общей стоимостью в существенную сумму в 75 рублей.

Также в доме Лобанова-Ростовского был и своеобразный «мультимедийный зал» Анжело Тозелли, известного нам как создателя акварельной панорамы Санкт-Петербурга с башни Кунсткамеры, хранящейся ныне в Государственном Эрмитаже. Он также снимал

в доме помещение, в котором выставил на обозрение в парадной анфиладе «Сценографию Иерусалима и свя-
тых мест, окрест его лежащих». Здесь рисунки сопро-
вождались спецэффектами. Например, иерусалимский
источник Силье сопровождался звуком журчащего ру-
чейка. «Зрелище сие весьма походит на театральную
сцену, только несравненно ещё живее», — писал в те
годы известный обозреватель Свинын. Плата за вход
на «Сценографию...» Тозелли составляла 5 руб. с чело-
века.

Осенью того же года в Санкт-Петербурге произо-
шло то самое знаменитое наводнение, описание кото-
рого мы читаем у Пушкина в «Медном всаднике». Была
затоплена вся Исаакиевская площадь. В Питере говори-
ли, что в тот день некто Яковлев, возвращаясь домой,
был застигнут врасплох наступающей водой и подняв-
ся на одного из львов дворца и так просидел, пока не
прошел пик наводнения. Это легенда нашла свое отра-
жение в пушкинской поэме.

*Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный,
Евгений...*

Через девять лет чета Лобановых-Ростовских
все-таки смирилась с фактом, что их доходный дом не
такой уж доходный. Они оказались в долгах и были вы-
нуждены сдать первый и второй этажи особняка Воен-
ному министерству. Видимо, и это не спасло ситуацию,
так как уже в 1828 году отчаявшийся хозяин владения
решил разыграть дворец в лотерею. Были даже выпуще-
ны лотерейные билеты в количестве одного миллиона
штук, и по замыслу этого предприятия кто-то из купив-
ших должен был стать владельцем здания. Поскольку
князь был известным библиофилом и коллекционером,
император Николай I, запретив подобную аферу, решил
выкупить в казну дом, уникальную коллекцию трудов о
Марии Стюарт, а также коллекцию раритетных тростей
и палок. Стоимость сделки составила 1 005 000 рублей
ассигнациями. Также Лобанову-Ростовскому назначи-
ли пожизненную пенсию за передачу ценной библиоте-
ки. В доме было размещено Военное ведомство.

В первые советские годы дом охранялся госу-
дарством. В нем была открыта школа, просущество-
вавшая с 1918 по 1964 годы. Во время блокады школа
продолжала учебную работу, занимая всю правую
от центрального входа половину дома, а также угол,

выходящий на Большую Морскую улицу. Часть зда-
ния, выходящая на Вознесенский проспект, занимали
жилые помещения. Во дворе находилась конюшня.
Во время блокады прочная подвальная часть здания
была переоборудована под бомбоубежище. Для спор-
тивных занятий школа использовала аллеи Алексан-
дровского сада. С 1964 года школа уступила свое ме-
сто Проектному институту № 1, просуществовавшему
в этом здании по 2004 год.

В 2002 году дом со львами перешёл к Управлению
делами президента, которое намеревалось приспособи-
ть его для переезжавшего в Петербург Конститу-
ционного суда. Однако позже было решено создать в

Знаменитые львы - главное украшение дворца - высечены из каррарского мрамора

его стенах самый фешенебельный отель в городе, гото-
вый принимать высших государственных лиц. Здание
было передано в аренду на 49 лет компании ЗАО «Три-
стар Инвестмент Холдингс».

На рубеже XVII-XVIII веков купец Гостиной сотни
Федор Казьмин выстроил на Мясницкой улице камен-
ные барочные палаты. В те годы Мясницкая стала од-
ной из главных городских улиц, и на ней охотно сели-
лись дворяне и купцы. Один за одним на улице стали
появляться красивые каменные дома.

Спустя годы, а точнее с 1760-х, уже при новом вла-
дельце этого здания генерал-аншефе П.И.Панине стар-
ые барочные палаты перестроили. По обеим сторонам
к главному дому были пристроены крылья, изменился
декор фасадов. Стоит отметить, что П.И. Панин был
легендарной личностью — известным военачальником
Семилетней войны, позже командовавшим подавлени-
ем Пугачевского восстания. Через тридцать лет у

особняка появился другой хозяин — князь Александр Иванович Лобанов-Ростовский. При нем была затеяна уже новая перестройка городской усадьбы.

Архитекторами нового проекта, придавшими зданию нынешний классический облик, называют разных выдающихся людей своего времени — Матвея Федоровича Казакова и Франческо Кампорезе. Однако точных документальных свидетельств в пользу того или иного зодчего до сих пор нет. Фасад здания вошел в знаменитые «Архитектурные альбомы» Казакова, но великий архитектор включал в них не только свои творения, но также планы и фасады понравившихся ему «партикулярных строений», созданных его современниками. Также бытует мнение, что, скорее всего, по его проекту Кампорезе двухэтажный особняк был удлинен по уличному фасаду путем пристройки с востока и запада дополнительных объемов с парадными залами. Центральная часть главного фасада получила украшение в виде коринфского колонного портика, увенчанного массивным аттиком с полукруглым окном мезонина, создающего впечатление триумфальной арки. В свою очередь, два боковых пилястровых

ионических портика лаконичны и легки. И наружные стены, и интерьеры здания украшены богатым лепным декором.

В конце 1820 года здесь разместилась школа рисования, основанная графом С.Г. Строгановым. Предтеча знаменитого Строгановского училища носила название «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам». Через шесть лет усадьбу приобретает известный историк, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел Алексей Федорович Малиновский. В это время здесь не раз бывал Александр Сергеевич Пушкин, а хозяйка дома Анна Петровна, хорошо знакомая с семьей Гончаровых, приняла активное участие в сватовстве поэта.

В 1836 году усадьбу приспособляют под производственные цели братья Николай и Иоганн Бутенопы — известные механики, владельцы завода по производству сельскохозяйственной техники и башенных часов. Часы, изготовленные на заводе Бутенопов, были установлены и на Большом Кремлевском дворце, и на Спасской башне Московского Кремля. Курантами они украсили и мезонин дома на Мясницкой.

Другие известные братья – Липгарты, владельцы компании «Товарищество Эмиль Липгарт и Ко» – приобретают владение в 1874 году. Во дворе усадьбы при них возводятся новые производственные корпуса по проекту архитектора А.Ф. Мейснера. В одном из строений размещается реальное училище К. П. Воскресенского. В 1906 году для училища одним из известных мастеров московского модерна А.В. Кузнецовым был построен новый корпус.

После 1917 года в старинном здании расположился госпиталь, а затем сюда въехали Московская потребительская коммуна и Совет кооперации.

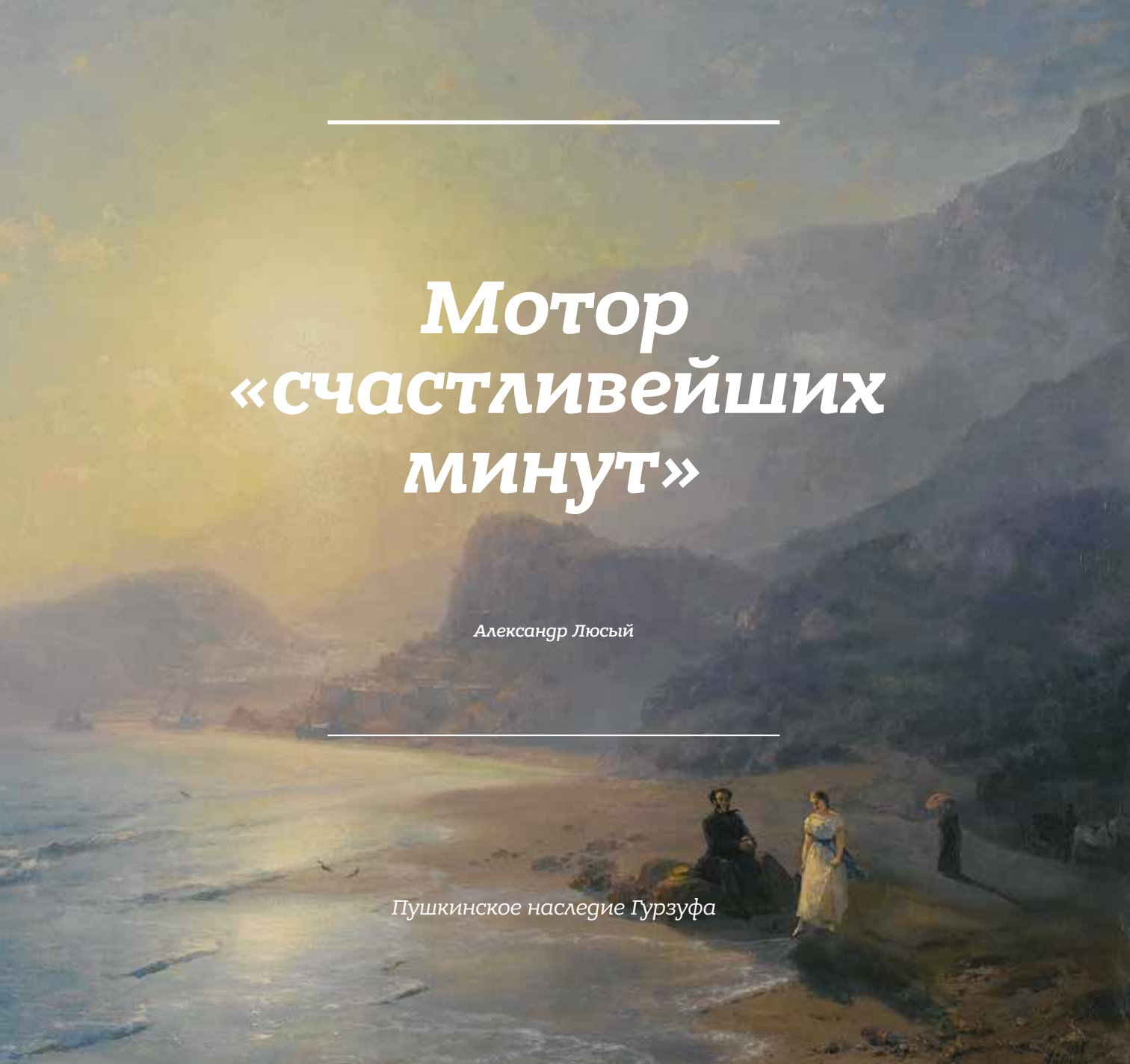
К середине 1980-х годов усадьба пришла в аварийное состояние. В 1987 году предпринимались попытки отремонтировать здание, но ремонт не был закончен. Спустя почти двадцать лет, в середине 2000-х годов новым арендатором – Некоммерческим партнерством по развитию культуры и искусства «Меценат-клуб» – была проведена полная комплексная реставрация. Сегодня Дом Лобанова-Ростовского на Мясницкой находится в оперативном управлении Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры. ■

Мы спросили Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского, потомка княжеского рода и известного лондонского филантропа, о его отношении к знаменитым памятникам, носящим его имя.

«Впервые я побывал в доме на Мясницкой в 1970-м году. Он был в ужасном состоянии. Когда зашел вопрос о нашем интересе к этому дому, нам его предложили бесплатно арендовать с условиями, что мы отремонтируем верхний этаж. И я рассказал своему дяде про дом, описал ему то, что видел. Дядя сказал, что часто там бывал до большевистского переворота, даже поведал о некоторых архитектурных деталях. Но в итоге никакого сотрудничества не сложилось. Этот дом мне нравится, потому что он не громоздкий, изящный, уютный, из него явно можно было бы сделать что-то полезное для общества. Например, музей Лобановых-Ростовских. Сейчас я делаю такой музей в Ростове Великом и передаю туда часть моей коллекции. Вообще, Чистые пруды – гудное московское место, за исключением того, что там летом комары.

А известный «Дом со львами» в Питере мне предлагали выкупить в начале девяностых за 3 миллиона 200 тысяч долларов, и ежегодно нужно было вкладывать по миллиону долларов. Я пригласил знакомого архитектора, мы пошлись по дому, и он сказал, что этот дворец с коммерческой точки зрения нерентабелен. Была идея сделать гостиницу, но в те дни номер гостиницы в Питере стоил максимум сто долларов, и вложения никогда бы не окупились. Но сегодня, когда цены изменились и люксовый номер в этом фешенебельном отеле стоит до 16 000 евро в сутки, дело стало перспективным. Новые хозяева меня пригласили, назвали в честь меня номер, оформили его гравюрами из моей коллекции и предложили проводить бесплатно одну неделю в году. Я люблю там останавливаться, потому что это самая элегантная гостиница из тех, что я знаю, с очень светлой и просторной столовой.»

Мотор «счастливейших минут»

Александр Люсый

Пушкинское наследие Гурзуфа

«Счастливейшими минутами жизни» называл А.С. Пушкин время пребывания в Гурзуфе в августе-сентябре 1820 года. Позднее символистский «пушкиноискатель» (особенно в крымском пространстве) В. Брюсов пришел к мнению, что известное выражение поэта об этом периоде — «я жил сиднем» — надо понимать почти буквально.

В самом деле, зачем бежать от счастья, которого не принесли тогда «отечески края»? Гурзуфские дни (19.08.1820 — 5.09.1820) заметно выделяются из наполненного разнородными впечатлениями пушкинского

крымского путешествия продолжительностью в месяц особой культурной насыщенностью статичного состояния. Вероятно, Пушкин тогда и не чувствовал себя именно путешественником, посещая только ближайшие окрестности Гурзуфа, ненадолго покидая занятый им и Раевским дом Рихелье.

Несколько слов о личности герцога А.-Э. де Рихелье (1766—1823), не избалованного вниманием пушкинovedов. Очевидно, по причине того, что ничего пока не известно об интересе к нему самого Пушкина (в отличие от знаменитого предка кардинала Рихелье). Лишь однажды Рихелье упомянут в письме пушкинского

корреспондента М.П. Розберга (от 5 декабря 1830 года). Сообщая об усилиях по изданию в Одессе литературного альманаха, он пишет, что «Евксинские цветы предполагается украсить портретом герцога Ришелье, видом Аюдага и видом Одесского приморского бульвара». Но тема «Пушкин и Ришелье» имеет право на существование в избранном нами контексте.

Принадлежа к знатному роду, Ришелье с детства был обречен на придворную жизнь, но рано начал ею тяготиться, несмотря на устойчивые монархические убеждения. Имея склонность к наукам, он постоянно отыскивал предлог для путешествий, участвовал и в войнах. В годы Великой французской революции Ришелье продемонстрировал рыцарскую верность королю, но двор все же покинул. В поисках приключений он оказался в составе русской армии, участвовал в штурме Измаила (1790), был ранен. Обратил на себя внимание Потёмкина, Суворова, а затем и Екатерины II, пожелавшей, чтобы он «разыграл некогда по Франции роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками».

Началось десятилетие жизни между Россией и Францией: с одной стороны, приобретение чинов в русской армии, с другой – стремление сохранить связь с родиной, где оставалась семья. В это время Ришелье разработал план поселения французских эмигрантов в степях Новороссии в качестве «военных колонистов», что было с негодованием отвергнуто ими. На какое-то время (при Павле I) Ришелье оказался отторгнут всеми: и Россией, и Францией, и французской эмиграцией. Но с воцарением Александра I ему был предложен выбор: высокий воинский чин или должность одесского градоначальника. Ришелье, желая самостоятельно работать над реализацией в девственном краю выработанной им системы экономических и социально-политических воззрений, предпочел в 1803 году занять административный пост, вскоре став также и Новороссийским генерал-губернатором.

Немаловажно зафиксировать идейные основы мировоззрения Ришелье. В значительной степени это – политико-экономическое учение Адама Смита о стоимости, освоенное Ришелье еще в юности. Труды А. Смита начинали тогда интересоваться и в России,

и даже переводить (впервые «Исследование о природе и причинах богатства народов» на русском языке было издано в 1802 году, как раз в момент превращения России в «приемное отечество» для Ришелье). И именно Ришелье первым осуществил практическую проверку жизнеспособности некоторых положений этого исследования, сумел с присущими ему тонкостью и тактом приспособить общие идеи к конкретным местностям, лицам и их деятельности. «Не будем слишком регулировать», – говорил он, самую общую цель видя в том, чтобы производить как можно больше, чтобы больше

вывозить, и ввозить как можно больше, чтобы поднимать и развивать производительные силы страны.

За короткое время экономическая политика Ришелье (умелое сочетание таможенных пошлин и налогообложения, своевременное строительство портовых и складских сооружений и т.д.) превратило Одессу в южное «окно в Европу», крупнейший торговый центр на Черном море, пользующийся мировой славой (корабли прибывали сюда даже из Северо-Американских Соединенных Штатов). В сельском хозяйстве поощрялось фермерское земледелие, что быстро дало свои плоды, превратив Новороссию во всеевропейскую житницу. К

сожалению, в дальнейшем это направление не получило развития. Сменивший Ришелье на посту Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцов, хотя и был сторонником вольнонаемного труда, в первую очередь радел о крупных помещичьих латифундиях.

Одесса стала привлекать не только торговых и промышленных предпринимателей, но и культурные силы Европы – инженеров, архитекторов, естествоиспытателей, ученых. Здесь появляются учебные заведения, театр. Пушкин высоко оценил результаты всех этих усилий: «...я оставил мою Молдавию и явился в Европу», – писал он о прибытии в 1823 году в город, еще находившийся в «ауре» Ришелье.

Один из «подвигов» Ришелье в Одессе – победа над чумой, вспыхнувшей в городе в разгар Отечественной войны 1812 года. Быстрые и строгие карантинные меры не допустили проникновения эпидемии вглубь территории страны, что могло бы стать в тех условиях поистине национальной (а может быть, и европейской) катастрофой. Ришелье, всегда отличавшийся аскетизмом,

И.К. Айвазовский «Пушкин в Крыму»

стилем жизни похожий скорее на разночинца, нежели на аристократа, и здесь принимал во всем личное участие. Хотелось бы услышать хотя бы косвенное обращение к нему в слова пушкинского Председателя из «Пира во время чумы»:

*Отселе – поздно – слышу голос твой,
Меня зовущий, – признаю усилья
Меня спасти...*

1814-1822 годы – заключительный и самый драматический период жизни и деятельности Ришелье. Дважды занимая пост председателя совета министров Франции, он безуспешно пытался установить в стране внутренний мир и дружеские отношения с Россией. На посмертно выбитой в Париже в честь Ришелье настольной медали его заслуги перечислены следующим образом: «Основатель Одессы в 1803 г. Он цивилизовал (вариант: просветил) Крым. Первый министр Короля Французского в 1814 г. Освободитель страны своей в Аахене. Родился в Бордо в 1766 г., скончался в Париже в 1822 г.»

Будучи генерал-губернатором, он неоднократно посещал полуостров. Он замечал обилие стад «пастушеского народа» и в то же время запущенность земледелия, принимал меры для развития садоводства (с этой целью и стал инициатором создания Никитского ботанического сада).

Одним из первых высших русских чиновников обратил внимание на Южный берег Крыма, считал его краше французской Ривьеры. Особенно понравился ему Гурзуф, где он в 1808 году приобрел с торгов участок площадью около 140 га, а затем заложил там дом для летнего отдыха. Неизвестный архитектор (по-видимому, тоже выходец из Франции) использовал две строительные традиции – европейский классицизм и местную трансформацию средиземноморской культуры.

Новые русские города на юге в конце XVIII – начале XIX века застраивались в основном по «образцовым» проектам. Традиционная композиция – главный дом с фасадом, украшенным колоннами, была привычна глазу русского поселенца. Но с течением времени, несмотря на строгости строительного контроля, в тех населенных пунктах, где сильнее ощущались местные архитектурные тенденции, началась постепенная трансформация, казалось бы, незыблемых в чистоте стиля построек. Типично европейская схема порой соединялась с наиболее примечательными и характерными элементами исконного жилища, открытой галереей (верандой), которая являлась неотъемлемой частью народного крымского двухэтажного дома, сложившегося здесь еще с античных времен.

Автор гурзуфского проекта, вероятно, был хорошо знаком с местными постройками, оценил их приспособленность к условиям долгого жаркого лета,

оптимальный санитарно-гигиенический режим, защищенность от избытка солнца и в то же время органичную включенность в окружающий пейзаж, в данном случае, в горный ландшафт побережья, который обычно участвовал в формировании архитектурного объема. Таким образом складывалась и объемно-пространственная структура дома Ришелье – первого и долгое время единственного подобного каменного сооружения на всем Южном берегу Крыма. Особую роль в «растворении» дома в окружающей среде сыграла открытая галерея.

После новоселья в 1811 году хозяину больше не удалось побывать в Гурзуфе, хотя он мечтал это сделать и даже поселиться там после отставки со всех постов. Но он дал разрешение останавливаться в своем пустом доме всем пожелавшим того путешественникам высшего общества, превратив его в своего рода гостиницу, чем и воспользовались Раевские и Пушкин в 1820 году.

Архитектура сомкнулась с духовной и поэтической архитектурой. Дому Ришелье суждено было стать своеобразным организующим центром пространства пушкинских «счастливейших минут» (их культурологического хронотопа). То обстоятельство, что какие-либо реалии этого дома не нашли отражения в творчестве, объясняется непростым, диалектическим сочетанием в художественном мышлении поэта мотивов «бегства» и жизни «сиднем», «покоя» и «воли», что вытесняло внимание как бы на периферию ландшафта. Многие исследователи считают, что на периферии этого пространства – в Ай-Даниле – находился и самый реальный прототип «утаенной любви» – Софья Потоцкая.

Облик Петербурга воспитывал сознание поэта на примерах гармоничного единства природы и культуры. К сожалению, тема «Пушкин и архитектура» не получила должного развития. Но имеется немалый опыт смежных культурологических исследований. Как писал академик В.Н. Топоров, «природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, кривизны и косвенности, к связи с низом (земля

и вода), культура – к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу), – переход от природы к культуре (как один из вариантов спасения) нередко становится возможным лишь тогда, когда удастся установить зрительную связь со шпилем или куполом».

Хаотичные «шпили» гор (как на Кавказе) или вид древних развалин (как на Керченском полуострове) сами по себе не могли послужить тогда источником поэтического вдохновения, как и остатки легендарного храма Дианы. Но «мифологические предания» оказались «счастливее воспоминаний исторических». Связанный с этим храмом миф об Ифигении породил стихи, (а точнее, трактовку этого мифа И.М. Муравьевым-Апостолом). «То, что уже было литературой, оказалось для Пушкина литературно-плодоносным», –

комментировал эту ситуацию Г. Шенгели. В Гурзуфе роль мифологического заместителя сыграл дом Ришелье. Наличие ориентира со знакомой культурно-природной структурой, творчески воплощенной под сенью Аюдага, свело разнообразные впечатления в единое целое. Поэтому в Гурзуфе, как и в литературно «оплодотворенных» воспоминаниях о храме Дианы, следы ушедших

эпох воспринимались иначе, не внушая скуку, но становясь элементом поэзии. В Гурзуфе Пушкин «впервой» по-настоящему разглядел Тавриду как миф.

*Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в паденьи горделивом
Развалины, поникшие гелом.
Старик Сатурн в полёте молгаливом
Снедает их...
И волны бьют вокруг валов обгорелых,
Вкруг ветхих стен и башен опустелых.*

Культурная реальность дома Ришелье – это и не-большая, но со вкусом подобранная библиотека с сочинениями Вольтера, А. Шенье, Байрона, которыми

Дом Ришелье в Гурзуфе

Музей А.С. Пушкина в Гурзуфе

поэт особенно увлекался в это время, а также классиков античности. В свое время Д. Соколов провел любопытную реконструкцию разнообразных гурзуфских впечатлений, отразившихся в написанной позже «Нереиде» – от реальной купальщицы до стихотворения Катулла «Свадьбе Пелея и Фетиды».

Под влиянием гурзуфских впечатлений созданы стихотворения «Редет облаков летучая гряда», «Буря», «Виноград», «Талисман». Они, как и другие («Фонтану Бахчисарайского дворца», «Чаадаеву», «О дева роза, я в оковах»), написаны не как воспоминания о Крыме, а как непосредственные крымские впечатления. Воспоминанием о Гурзуфе заканчивается «нелюбимый» «Бахчисарайский фонтан». В набросках поэмы «Таврида» Гурзуфский Крым предстает, по словам Б.В. Томашевского, реальным, земным Элизием, страной, одушевленной любовью.

*Так, если удалиться можно
Оттоль, где вечно свет горит,
Где счастье вечно, нереложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.*

Именно здесь, в Гурзуфе поэт почувствовал такой прилив духовных сил, что родилась тема пересмотра

жизненного пути, которая подвела черту под романтическим периодом его творчества.

Аналогичные перепады взаимоотношений с «дикой» и с уже мифологизированной природой наблюдались у Пушкина и позже. В «Путешествии в Арзрум» предпочтения мифологическим, а точнее бы сказать, историософским преданиям выражены более четко. «Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага».

Но к другой, окутанной не только природным, но презде всего историческим туманом горе, и отношение другое. ««Что за гора?» – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к его вершине с надеждой обновления и жизни, – и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...».

Можно ли создать музейный образ такой художественно-эпистемиологической драмы?

Пушкин собирался посетить Гурзуф еще раз в том же 1823 году, когда он прибыл из Молдавии «в Европу». Этому помешало ухудшение отношений с Воронцовым, который к тому же стал тогда не только начальником поэта по службе, но и владельцем дома Ришелье, купив его у наследника, адъютанта герцога И.С. Стемповского.

«Среди моих сожалений, — писал Пушкин через десятилетие после посещения Гурзуфа, — меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму». А дом «счастливых минут» постепенно утрачивал память о поэте. Именно Гурзуф Воронцов хотел вначале сделать центром своих крымских владений. Дом перестраивается, увеличивается количество жилых помещений, появляются излюбленные новым хозяином восточные мотивы. Но вскоре наступает охлаждение. Алушка стала больше соответствовать масштабам замыслов Воронцова, и гурзуфское имение приходит в упадок до тех пор, пока в 1834 или 1835 году не было куплено сенатором И. Фундуклеем. Вновь перестройка, исчезновение восточного колорита, а заодно и мансарды, которую, по предположению А. Бертье-Делагарда, мог занимать Пушкин в 1820 году. В 1837 году, осенью, Фундуклей принимал в обновленном имении Николая I (бывавшего тут и ранее, в 1816 году).

В 1881 году дом приобрел крупный предприниматель П. Губонин, вскоре превративший Гурзуф в самый роскошный российский курорт. Живя в самом «домике Пушкина», он за особо высокую цену сдавал тут комнаты и гостям курорта. Веранда в меркантильных целях была застеклена. После революции о доме, постепенно превращенном в склад для шляпок, вспомнили накануне столетия со дня гибели поэта, отмеченного, как известно, с необычайным размахом.

В июне 1938 года Музей Пушкина в Гурзуфе был открыт. Одна из записей в тогдашней книге отзывов: «Музей беден, но очень приятен сам факт открытия его в доме, где еще носятся тени Пушкина». Экспозиция ограничивалась фотокопиями и репродукциями, не было какого-либо объемного материала, не говоря уже о подлинниках. Но худо-бедно велась научно-исследовательская работа (при штате в два-четыре человека).

С началом войны директор музея А.И. Поздняков — комиссар Алушкинского истребительного батальона. Его героическая смерть описана в партизанской хронике И. Вергасова «В горах Таврии». Без окон, с сорванными дверьми, но уцелевший вернулся дом после войны в санаторно-курортную сферу. Самое тяжелое испытание выпало дому в конце 60-х — начале 80-х годов, когда здесь — еще одна примета известного периода! — была устроена водолечебница, медленно разрушавшая дом изнутри. Тогда стали приходить в негодность несущие конструкции здания (предыдущая полуторавековая история их почти не коснулась). В это время на гурзуфской набережной ежегодно в июне отмечался очередной Пушкинский праздник, звучали стихи и клятвы в верности поэту, но никто из собравшихся не решался заглянуть за высокий ведомственный забор.

Официально Музей Пушкина в Гурзуфе был вновь открыт 4 июня 1989 года — на правах отдела Ялтинского исторического музея. Вниманию посетителей была предложена выставка «Пушкин и Крым». Начались дискуссии, каким быть этому музею. Крымский искусствовед Анна Галиченко предложила идею «Кабинета Онегина». В самом деле, где еще находится такому музею, как не на месте «колыбели Онегина», как называл Гурзуф сам Пушкин?

Одна из самых загадочных фраз — в письме Пушкина Н.В. Голицыну в Артек, за несколько месяцев до смерти: «Там колыбель моего „Онегина“, и вы, конечно, узнали некоторых лиц». Так может быть, внутри Музея Пушкина в Гурзуфе должен располагаться не безмятежный миф, а конкретный в своей вымышленности музей «Евгения Онегина»? «Герой и его мир, — пишет о романе В. Непомнящий, — предельно опредмечены и овеществлены, свободного пространства не остается».

Ю. Лотман обращает внимание на то, что, если до прибытия героя «Путешествия Онегина» на полуостров роман связан с сюжетами будущих произведений, только формировавшихся в сознании поэта, то с момента появления Онегина в Крыму повествование обращается к предшествующему творчеству — крымским элегиям и «Бахчисарайскому фонтану».

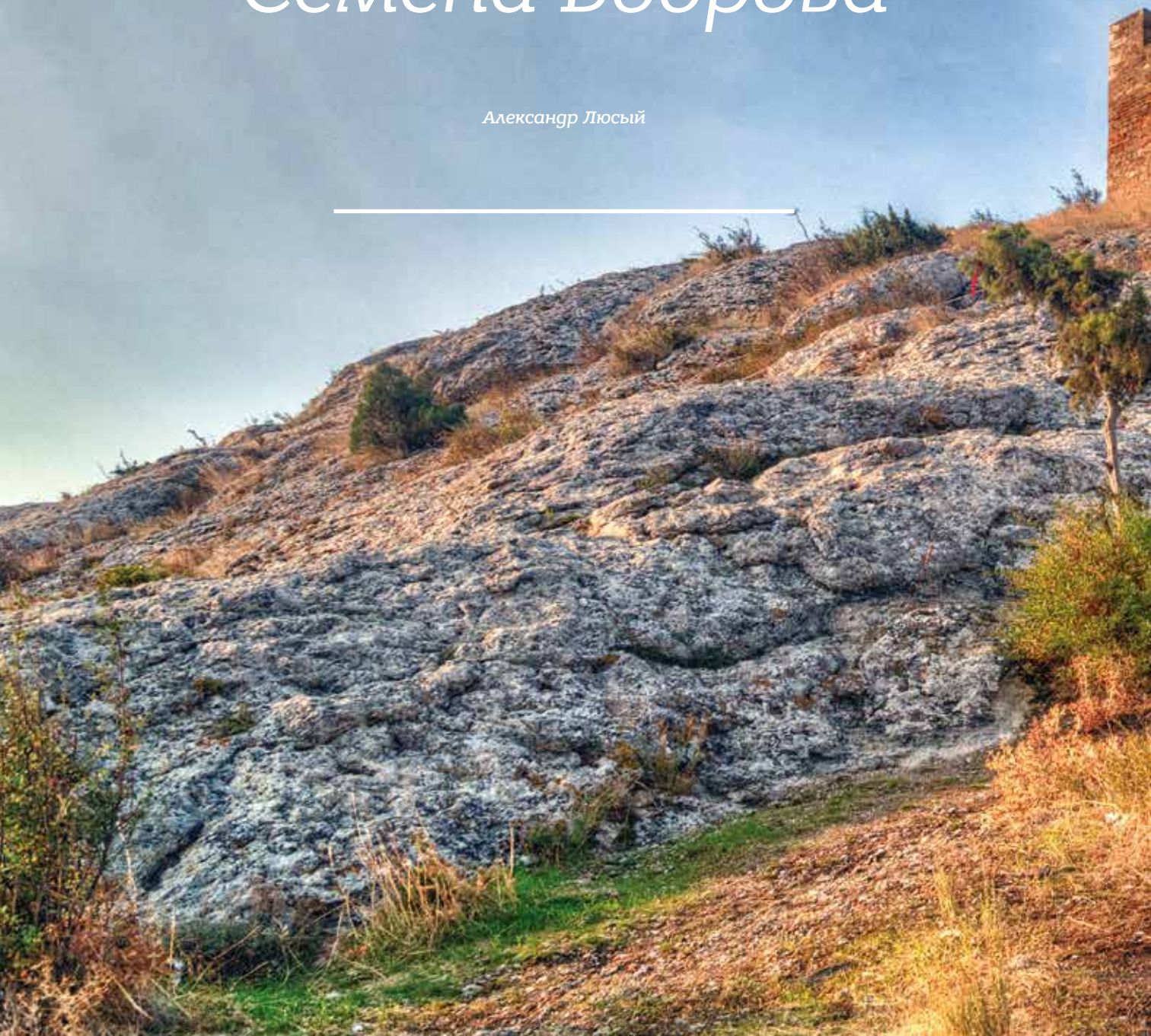
«В ту пору мне казалось нужны Пустыни, волн края жемчужны, И моря шум, и груды скал, И гордой девы идеал, И безыменные страдания...», — вспоминает Пушкин. Музей-миф или музей-гипотеза, музей-комментарий, учебный, воспитательный, исследовательский центр — такие высказывались точки зрения на будущее этого музея. Предполагалось, что это — задача всей русской культуры и, возможно, мирового пушкиноведения.

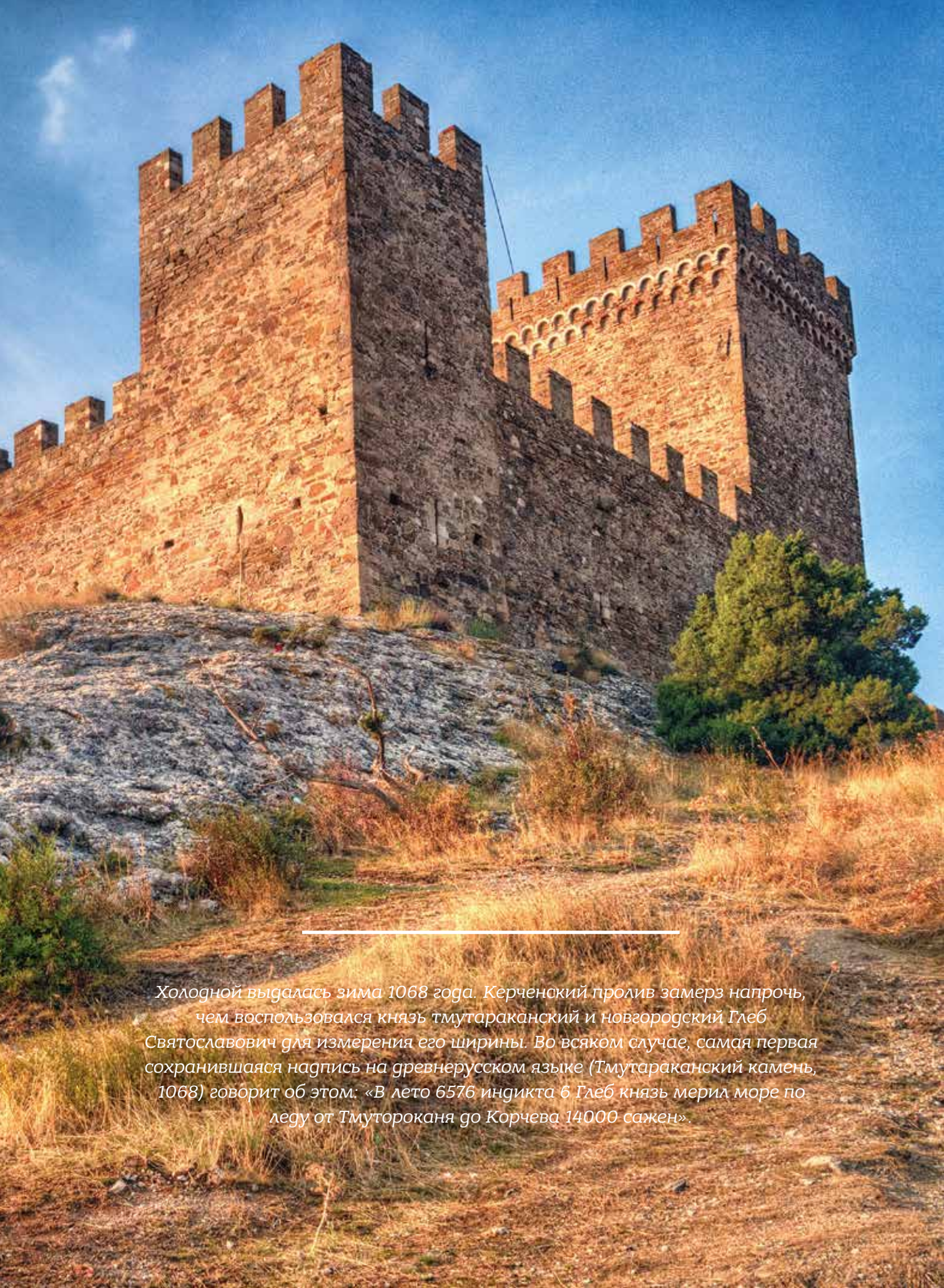
Сейчас созданная силами местного музейного сообщества экспозиция музея расположена в шести залах. Представлены прижизненные издания А.С. Пушкина, предметы быта пушкинской эпохи и крымского быта начала 19 века. В июне 2007 г. создан мемориальный кабинет пушкиниста Б.В.Томашевского. Внучка пушкиниста Мария Николаевна Томашевская передала музею портфель и рукописи неоконченных работ своего деда об А.С. Пушкине, двадцать писем академика Дмитрия Лихачёва к Томашевским, записные книжки литературоведа, ряд личных вещей.

Травма и триумф — это то, что определяет «мифо-мотор» национальной идентичности, представляя крайние границы опыта и предельный горизонт для самоопределения коллективного субъекта, так же как рождение и смерть дают предельный горизонт для экзистенциального опыта индивида. Дом Ришелье, история которого полна своих травм и триумфов, думается, останется культурным генератором. ■

Квинтэссенция наследия: Крымский текст Семёна Боброва

Александр Люсый

Холодной выдалась зима 1068 года. Керченский пролив замерз напроць, чем воспользовался князь тмутараканский и новгородский Глеб Святославович для измерения его ширины. Во всяком случае, самая первая сохранившаяся надпись на древнерусском языке (Тмутараканский камень, 1068) говорит об этом: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмудороканя до Корчева 14000 сажень».

Впрочем, вскоре после находки камня (1792) начались высказываться сомнения в его подлинности, не уступающие по остроте дискуссиям о подлинности «Слова о полке Игореве», благо Андрей Мусин-Пушкин присутствовал в обоих случаях. Однако после обнаружения аналогов надписи с новгородскими берестяными грамотами XI-XII вв. серьёзные сомнения развеялись. Так что есть основания утверждать, что первый русский текст оказался в значительной мере крымским.

Впрочем, речь здесь пойдет о другом уровне понимания текста, который также называется супертекст или мегатекст. Понятие локальный текст – многообразная, исторически и функционально изменчивая макро-единица культурного наследия, закономерности которой расширяют категорию за рамки филологии в иные сферы гуманитарного знания, в частности, краеведения как торжества местного знания.

Краеведение – особая форма познания со специфическим единством теории и практики. Это способ локальной идентификации и ориентации в глобальном мире, своеобразная философия обустройства на своем месте. Приобретая особую роль на переломных исторических

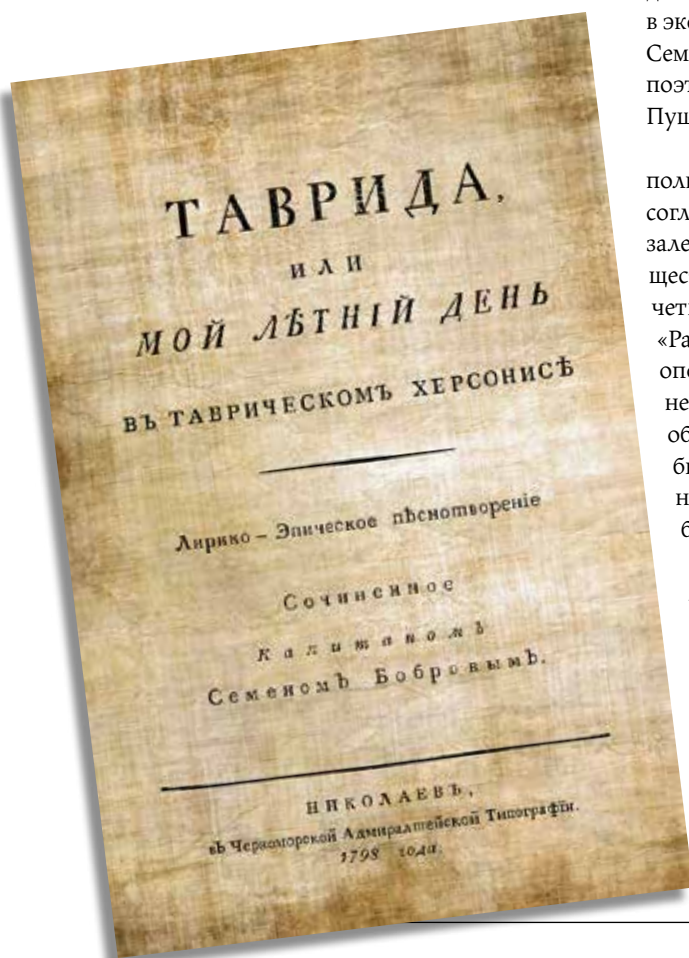
этапах, краеведение функционально включается в процесс формирования гражданского общества, становясь в идеале формой общественного участия населения в решении социально значимых проблем, с опорой на знание особенностей пространства жизнедеятельности.

С духом крымского краеведения, для характеристики которого позволю предложить такие синтетические понятия, как конкретный академизм и карнавальное подвижничество, я начал профессионально соприкасаться с конца семидесятых годов в Крымском краеведческом музее, как тогда назывался Центральный музей Тавриды, и издательстве «Таврия» (о чем я вел речь в статье «Мотор “счастливейших минут”»).

На стыке этих институций и олицетворяющих их интеллектов, а также внутреннего баланса ради между московской и крымской ностальгией, у студента Литературного института, каковым я тогда, в 1980-е годы, был, возникла идея подготовки путеводителя «По Крыму – не покидая Москвы». Я стал обходить московские музеи, фиксируя в экспозициях и по возможности в фондохранилищах крымское присутствие, каковое также местами широко было разлито и за окнами, в московский топонимике. Однако в один прекрасный день я вдруг остановился, смутно осознавая, что цель поиска достигнута. Это была выставленная в Музее Пушкина в экспозиционном разделе, посвященном Крыму, поэме Семёна Боброва «Таврида» (Николаев, 1798), которую поэт настойчиво просил в переписке с братом Сергеем Пушкиным прислать ему уже в Молдавию.

Как позже удалось установить, просьба была выполнена не вполне корректно. В библиотеке Пушкина, согласно библиографическому описанию Бориса Модзалевского, значится «Херсонида», как называлось существенно измененное второе издание поэмы в рамках четырехтомного собрания сочинений Семёна Боброва «Рассвет полночи». Таким образом, экспонат этот был опознан в качестве отложенного буквального исполнения желания Пушкина, а не отражением реальных обстоятельств этого конкретного путешествия. Он был обращен скорее в будущее, чем в прошлое. Осознание этого пришло позже, но в момент встречи я был остановлен именно этой обращенностью.

Любопытно, что такая обращенность не достигла меня непосредственно в Крыму, скажем, в музейной библиотеке «Таврика», в которой настольными книгами краеведов были книги-памятники Павла Палласа, Карла Габлица, Павла Сумарокова. Как пишет Владимир Каганский, «краеведение – одновременно и объективированное и ценностно-центрированное представление мест в рамках локально-конкретного знания, включенного в культурно-жизненный комплекс территории. При склонности к систематизации краеведение

не доходит до систематической связности и полноты интеллектуальной рефлексии, что вовсе не является пороком, поскольку краеведение — особое любовное знание места о себе и, прежде всего для себя».

Проект претерпел существенные изменения и в силу внешних обстоятельств. Госкомиздат Украины, жестко и идеологически многослойно цензурировавший издательскую политику «Таврии», не утвердил включение путеводителя в издательские планы: «Вот если бы было — “не покидая Киева”...»

Итак, хождение по музеям прекратилось, началось чтение «Тавриды»/«Херсониды» и других произведений Боброва, погружение в контекст его творчества как такового и самой эпохи в целом. Наступало время Боброва: пока я искал крымское присутствие в московских музеях, в Тарту Юрий Лотман посвящал в бобрововеды свою ученицу Людмилу Зайонц.

Семен Бобров раскрывался как поэтический Колумб Крыма, в лице которого крымская тема сразу же явилась в русскую литературу в высшем, под определенным углом зрения и исчерпывающем выражении. Крым в процессе виртуозного описания многообразной природы и исторических испытаний, оживленных просвещенческим сюжетом пути двух паломников, распахнулся как «идеальное пространство» и уникальная модель мироздания и в то же время главное действующее лицо поэмы во многообразии его обликов и метаморфоз. Как отмечает Л. Зайонц, «описание “оживающего” полуострова превращается в одну большую Метафору Метаморфозы, в которой объединяются значения ландшафта и живого организма: темя, утроба хребтов; ребра, чело, око, гортань горы; пасть, зев с торчащими оплотами зубов, чрево утеса, стан холма, нарывы вулканов, морщины вод и т.д.». Так через антропоморфизмы художественно утверждается онтологическая субъектность Крыма на самых разных уровнях текста.

У Семена Боброва в роли своеобразного ноосферного субъекта предложения (главного персонажа) грамматически оказывался элемент неживой природы (холм, облака, мыс), но часто антропоморфные признаки полностью заполняют пейзажное пространство, практически растворяясь в нем:

<Рыбы> ... за собою оставляют.

Кругов морщины по водам...

<Источники> ... от горных ниспадая ребр...

<Воздух> ... трез разрыв гортани горной.

Раздал громовый звук разящий...».

На сцене Крыма не просто горы или воды, прикрашенные тем или иным эпитетом, но морщины вод, сердце гор, горные ребра, горная гортань. Действие же,

Семен Бобров

описанное во многих фразах, оказывается направленным на антропоморфный признак, усиливая таким образом его семантику: рыбы по водам оставляют — тоже морщины; источник ниспадает от ребр; воздух влечется — к темю; стон исходит — из сердца гор; воздух раздал звук — чрез разрыв гортани. Согласно такому приёму и моделируется «оживающий» ландшафт.

Показ элементов крымской природы через их антропоморфные образы ведет к метаморфозам пейзажа, в результате которых черты реального ландшафта как бы отступают за кулисы, а на первый план выступает представление в одних случаях огромного механизма природы, в других — живого организма. Географический рельеф при этом показан как его отдельные части и органы (пасть, чрево, бедра, мышцы, ребра, нарывы). Бобров не описывает, а «анатомирует» природу, как естествоиспытатель обнажая ее внутреннее устройство (или «сгнивший механизм»).

Море, также наделяясь признаками преимущественно «бурлящего» ландшафта, как бы «мимикрирует» под «чреватеющий» субъектностью антропопейзаж: «валит из бездны» хребтом горы; так же, как горы, напрягает свои горделивы выи (ср. о горах: «А чем я выше; — тем они / Ко мне склоняют выю ниже»); обладает таким же алчным зевом (= «широкозевна гора», «расселины земли несатым угрожают зевом»), которым самое себя и поглощает (= «утес обрушился в свою же пасть»). Такой язык в контексте ландшафтной семантики выступает уже как метаязык, «прием приема». Такой метаязык Боброва невольно рождает идею метатекста и ведет к беспрецедентному жанровому синкретизму как

металитературной пульсации постоянного выхода за пределы текста и вечного возвращения к нему.

Так определилась основная текстостроительная пара Крымского текста – Бобров и Пушкин. Ещё современниками Боброва была отмечена своеобразная «архитектурность» поэмы Боброва: «С каким искусством, с какою живописною Архитектурою создает он престол Всевышнему». Имеется ввиду такая общая структура пространства Крыма:

*Творец! – и здесь, – и здесь твой храм; –
Сафирный свод небес палящих
Мне мнится преклонен сюда; –
Стопы его – древа столетия;
Курение – цветы Альпийски;
Симфония – хор птиц в дубавах;
Красивость – пестрота в цветах,
А верх камнистый, возвышенный
Являет жертвенник священный.*

Воронцовский дворец

Под жертвенником подразумевается гора Чатырдаг, считавшаяся во времена Боброва высочайшей вершиной полуострова, восхождение на которую и последующее обозрение оттуда всего Крыма составляет немаловажный авторский сюжет, параллельный сюжетной линии возвращения из Мекки двух местных паломников – юноши Мурзы, «сына плоти», и мудреца Шерифа («сына неба»). «Небесный чертог» – это то символическое пространство, в котором душа, вырвавшись из телесной оболочки («храмины телесной»), продолжает свой путь к вечности. «Таким образом, жизнь человека проходит как бы через два «храма» – земной (путь тела) и небесный (путь души), расположенные один над другим и одновременно включенные в «великий Храм Вселенной», «паперть» которого есть земной мир, а «алтарь» – «святилище небес»».

Прямым архитектурным аналогом поэтической конструкции Боброва, по мнению Л. Зайонц, на фоне отмеченной выше крымско-петербургской как литературной, так и архитектурной «полярности», является проект Храма Христа Спасителя Александра Витберга. Оказывается, этот архитектор в конце XVIII в. был близок к тому же масонскому кругу, что и С. Бобров. Его проект был создан в начале 1810-х гг. По замыслу, Храм должен был быть архитектурным воплощением изоморфности тройственной сущности человека (тело – душа – дух) тройственному бытию Бога и тройственному пути Христа (Рождество – Преображение – Воскресение). «Храм сознательно проектировался

архитектором на склоне Воробьевых гор с тем, чтобы идея духовного восхождения превратилась в пространственную реальность. Состоял он из трех внутренних храмов: Храм тела, находящийся внутри холмистого берега Москвы-реки, Храм души, расположенный над ним, и – освещенный со всех сторон Храм духа, на вершине холма венчающий сооружение. Вход находился внизу, так что попасть в верхний храм можно было, лишь пройдя через два предыдущих». Архитектурный уровень являет присутствие Петербургского текста через мистическое посредничество Московского.

Пространственная семиотика поэмы отражала важную для Боброва идею о знаковой сущности мире:

*Алла открыл всем общу книгу ...
Простер златой натуры свиток.*

Пейзажное пространство «Тавриды» строится по принципам именно такой книги. Не случайно, представление о символической храмовой архитектуре как о тексте лежало и в основе проекта А. Витберга: «Надлежало, чтоб каждый камень его и все вместе были говорящими идеями религии Христа... Чтоб это была не груда камней, искусным образом расположенная, не храм вообще – но христианская фраза, текст христианский».

Сопоставление творчества Боброва и Витберга как проектов представляется вполне релевантным, несмотря на то, что замысел Боброва был воплощен, а Витберга остался на бумаге. Творчество Боброва остается проектом вплоть до момента его конгениального, в частности, и краеведческого, прочтения.

Локальный текст культуры развивается по более или менее явной диалогической схеме Вызова-и-Ответа. То есть, именно эта схема структурирует диалог в системе свертых текстов, диалог жанров и видов, искусств и мифов, краеведов и журналистов. Задолго до Арнольда Тойнби Александр Герцен применил эту историческую структуру применительно к русской истории: Петр I своими преобразованиями «бросил вызов России, а Россия «ответила ему Пушкиным».

Ответом на имперский романтический («туристический», по определению Максимилиана Волошина) миф Тавриды стал «внутренний» миф Киммерии. Поэтика Храма сменилась поэтикой «рухнувшего готического собора». Впрочем, Анна Ахматовой и игры спроецированных в это пространство с петербургской ивановской «Башни» «обормотцев» казался неуместным «вызовом», почему она полемически идентифицировала себя в своем крымском измерении как домашняя «последняя херсонидка».

Непросто найти некий общий «крымский текст» у тех, кто «мстил за Пушкина под Перекопом» (Эдуард

Багрицкий) и кто с другой стороны видел, как «над валом Перекопа / Орды вставал девятый вал», в результате чего пришлось «покидая берег Крыма, в своего стрелять коня» (Николай Тuroверов). Владимир Маяковский через десять лет показывает картину эвакуации в сатирическом ключе, сохраняя особую севастопольскую семантическую насыщенность, сродни петербургской.

*Бегут
по Севастополю
к дымящим пароходам.
За день
подметок стопали,
как за год похода.*

В прозе такое сжатие хронотопа крымского штурма стилистически компактной выражено в повести Александра Малышкина «Падение Даира»: «В приказе было: начать концентрацию множеств к морю, к перешейку; нависнуть молотом над скалой... Аппараты простучали в пространства, в ночь – коротко и властно». Вряд ли Малышкин, в отличие от Маяковского, читал С. Боброва, но некоторая параллель с его «Рассветом полночи» тут есть: «План был принят – он висел над глухой сосредоточенностью полей. В них снилась невозможная горящая ночь. В пасмури слышались, близились идущие шумы».

Любопытно, что именно в советской литературе возникла сама идея Крыма как обособившегося на тот или иной срок «острова». Ещё более показательным на эту тему произведением стал роман надевшего в этот момент маску «советского Оруэлла» Бориса Лавренёва «Крушение республики Итль». По мнению крымского историка Андрея Мальгина, эти произведения составили основу архетипического мифа в крымском контексте о некоем особом мире, находящемся за каким-то труднопереходимым пределом (перешеек, даирская стена, Турецкий вал). А. Мальгин уточняет, что тетраграмматон «Даир» в исламской традиции – это одно из названий рая.

Если Лавренёв и Малышкин сопрягали реальную или почти реальную историю с ирреальной, Александр Грин создал воображаемую, точно картографируемую географию Гринландии. Но все они брали реальные факты и помещали их в вымышленный, фантастический контекст, преобразовывая не содержание происходящего, а его атрибутику: так Крым превращается в Итль и Даир, Севастополь в Порто-Бланко и Лисс, Феодосия – в Зурбаган. Так рождается мифологема очередного Итля или Гринландии?

«Почему бы не сделать, наконец, наоборот? Почему бы не наполнить мифом реальный географический контекст? Не конструировать, как это было раньше, из

Знаменитое «Ластогкино гнездо»

реального Крыма Итль, а сам реальный Крым поставить на место выдуманного Итля, раскрыть его как Итль.

Если раньше действительные события происходили в ирреальном антураже, то теперь фантастические коллизии будут совершаться на вполне реальном, географически достоверном полуострове, точнее — острове...

Так родился текст, который и по сей день остается вершиной и, может быть, завершением (по крайней мере, в её литературной части) итлийской традиции. Он начинается так:

«Всякий знает в центре Симферополя, среди его сумасшедших архитектурных экспрессий, дерзкий в своей простоте, похожий на огиненный карандаш небоскреб газеты 'Русский курьер'...».

Таким образом, «великая» цепь бытия текста продолжает разматываться, иногда ненадолго исчезая в лакунах мистификаций как важной составляющей Крымского текста. Крым описываем, но не самоописуем.

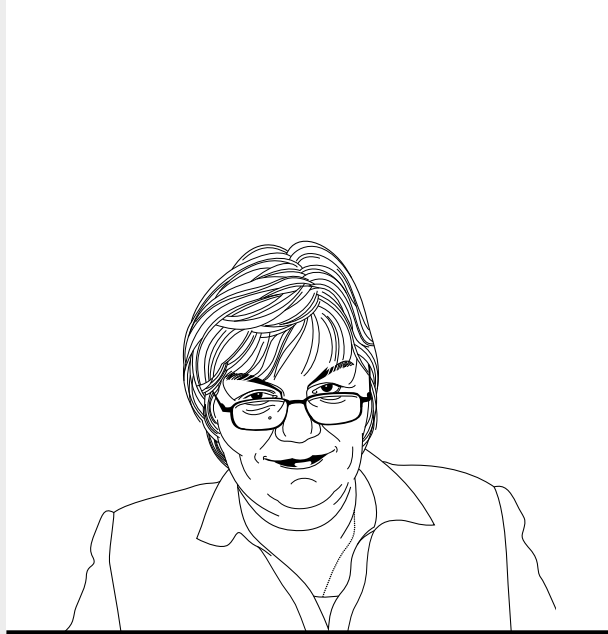
Механизм становления локального текста подчинен схеме «вызов — ответ». В каждом из этих текстов возникает внутреннее напряжение между внешним (классическим, «столичным») взглядом и внутренним, «местным» ответом. Пространственная контекстуальность Петербурга стала выражением исторического предопре-

деления. Город возник как «ось времени», относительно которой формируется в качестве «композиционного целого» полутысячелетний период отечественной истории с его проекцией в будущее. Закладка Новой столицы происходила «перед лицом всей Европы» и имела форму «исторического ответа».

Вернемся к Волошину: «Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безвыходной заводи, осаждали свойил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались».

Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенег, хазары, половцы, татары, дрожжи Понта Эвксинского. славяне... — вот аллювий Дикого Поля.

Греки, армяне, римляне, венецианцы, генуэзцы — вот торговые и культурные. Сложный конгломерат расовых сплавов и гибридных форм — своего рода человеческая «Аскания Нова», все время находящаяся под напряженным действием очень сильных и выдержанных культурных токов. Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как все, что идет от Азии, — его роль степного полуострова, и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей — роль самого крайнего сторожевого поста, выдвинутого старой средиземноморской Европой на восток». ■

ЭТАЛОННЫЙ НАМЕСТНИК

Марина Кудимова

*Я уезжала из серого, тонувшего в грязи Тамбова в марте
1988 года под голос Эдиты Пьехи:*

*Где-то есть город тихий, как сон,
Пылью тягучей по грудь занесен.
В медленной речке вода, как стекло.
Где-то есть город, в котором тепло.*

Вернулась через двадцать лет в совершенно другой город, который, несмотря на коммунальные проблемы, отмыл улицы, реставрировал практически весь центр и вернул себе исторический облик.

Документ, подтверждающий дату основания Тамбова, между прочим, историческая редкость: «В лето... 1636 года по указу благочестивейшего государя царя... Михаила Феодоровича..., по благословению... святейшего патриарха Филарета Никитича... повелено быть стольнику Роману Федоровичу Бабарыкину для построения в степном месте... вновь города, который... в 17 день апреля месяца означил место на реке Цне, на устье текущей по левую сторону речки Студенца, в самый всерадостный праздник пресветлого дня Воскресения Христова; во-первых, ради молитвословия обложили соборную церковь именованием Преображения Господня..., которую в недолгом времени и совершили, и освящена того ж 1636 года августа 6 дня в праздник Преображения Господня...; и наименован новопостроенный город Танбов...».

То есть основанием города-крепости стала церковь, которую заложили в день Светлой Пасхи. Как пишет краевед Марина Климова: «Тем самым утверждалось значение нового града. Оно должно было заключаться не только в защите юго-восточных рубежей Московского государства от вторжения неприятеля, но и в создании условий для «воскресения» края — его перехода от беззакония «дикого поля» к порядку христианско-православного государства».

Но на этом городское «везение» не кончилось. В 1785 году Указом Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Екатерины II правителем Тамбовского наместничества был назначен Гаврила Романович Державин. Тот самый — не последний в истории нашей литературы поэт, который слушал Пушкина на выпускном царскосельском экзамене. Как пишет та же Климова: «... со временем результаты его правления стали своего рода эталоном, с которым стали сравнивать деятельность всех, кто занимал первую должность региона». Державин начал перепланировку города по регулярному плану. Он открыл народное училище и самолично участвовал в «испытаниях», словно готовился к знаменитому царскосельскому экзамену. По нынешним временам молодой (42 года) амбициозный наместник в короткое время сделал для города так много, как никто после него. Завел типографию, подчеркнем, вольную, то есть частную, одну из всего лишь четырех в России. Гаврила Романович положил начало театру, который и ныне украшает главную площадь города, построил каменный мост через реку Студенец и кирпичный завод. Наместнические указы в печатном виде рассылались уездным городничим и вывешивались на стенах храмов, базарах и ярмарках.

Державин оставил после себя город, планировка которого в целом до сих пор сохраняется в центральной части.

Многие русские поэты могли бы занять видную государственную должность и преуспеть на ней во благо России. Пушкин прозябал чиновником 10 класса по министерству иностранных дел, а мог бы послужить и министром, и канцлером. И, хотя существует версия, что он исполнял тайные поручения и был чуть ли не Джеймсом Бондом, это, увы, ничем не подтверждается. Между тем, русские поэты от Грибоедова до Тютчева преотлично справлялись с дипломатической службой. В XX веке стихотворцев пересадили управлять себе подобными в Союзе писателей, который вполне мог быть приравнен к министерству, — и ничего, тоже справлялись. Но ни главное редакторство, ни литчиновничество, ни номинальное депутатство и сидение писателей в президиумах не дали России эталонно спланированных городов. А уж сколько часов отняли у вдохновенья!..

С Симоновым или Твардовским, конечно, в верхах считались, и мнение их учитывали, хотя и могли рощерком пера отправить в отставку и опалу, но никто из поэтов прошлого века не учредил первую в России провинциальную газету «Тамбовские известия». А Державин учредил, и газета стала предшественницей всех губернских ведомостей, появившихся в николаевскую эпоху. И теперь, в эпоху цифровую, по этой газете можно судить о том, что слухи о «провинциальной отсталости» были, мягко сказать, сильно преувеличены.

Мы, рифмующие жильцы нового века, оттеснены на такую обочину, что и кирпичного заводика после себя не оставим, и «пост председателя в волисполкоме» не займем. Державин же был и остается не только эталонным наместником, но и поэтом, влиявшим на жизнь государства. Вот какое наставление властям держащим поэт-гражданин оставил в «гневной оде», переложении 81 псалма Давидова под названием «Властителям и судиям»:

*Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.*

*Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.*

Госслужащий Державин за эти стихи едва избежал опалы. А город детства на берегу Цны, устроенный по плану поэта, переживает второе рождение. ▣

Орденский замок Бальга

Хенрике Боог

В то время, как в информационном отношении между Германией и Россией освещаются в основном в отрицательном свете, и образ россиян в сознании немцев далеко не всегда положительный, от своего отца, Клауса Боога, я слышу много хорошего о наших отношениях с Россией.

Он руководит внешнеторговыми сделками компанией «Реммерс Группе АГ» и регулярно ездит в Россию начиная с 1998 года. У компании в России около семидесяти сотрудников и филиалы в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Ростове и Екатеринбурге. Компания занимается красками, лаками и химической продукцией для строительной и деревообрабатывающей промышленности, которые активно используются в реставрации.

В июне 2016 года был начат особый проект. Олег Рыжков, в то время руководитель АУИПИК, предложил компании разработать концепцию восстановления и нового использования бывшего немецкого орденского замка Бальга, который находится недалеко от Калининграда на территории бывшей Восточной Пруссии. Концепция должна быть направлена на сохранение уникального памятника культуры от дальнейшего разрушения. С тех пор немецкая и российская стороны активно работают над исследованием развалин при помощи методов строительной физики, а также изучают историю здания. Для этого объекта особенно важно международное сотрудничество, так как строительные планы и другая информация, недоступная для российского государства, вероятно, есть в немецких архивах.

У меня была возможность поговорить с некоторыми членами проектной группы по замку Бальга. На меня произвело впечатление мирное и даже в определенной мере дружественное сотрудничество немцев и россиян в деловой сфере. Я хотела бы показать, что история замка Бальга является примером меняющихся отношений между двумя странами.

Бальга – крепость пруссов

Уже в ранние Средние века на месте нынешнего замка Бальга было крепостное сооружение, происхождение которого до сих пор неизвестно. Его история начинается с сообщений о коренных жителях области между Вислой и Мемелем (Неманом), так называемых пруссов. Пруссы были балтийским племенем, жившим между немцами и славянами. Они занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Также они поклонялись небесным телам или природе как богам. Пруссы не имели постоянного государственного устройства, а селились отдельными племенами в ограниченном пространстве. Названия этих объединений отражены во многих восточно-прусских провинциях. Саамы жили в Замландии к северу от Кенигсберга, курши на Куршской косе и натанги в Натангии со столицей в Кенигсберге и на полуострове Бальга. Поскольку пруссы хотели сохранить свою самобытность и независимость, они вели ожесточенную борьбу с орденами до того, как их насильно христианизировали.

В 1225 году польский герцог Конрад Мазовецкий обратился к немецким орденам за помощью в деле христианизации сопротивляющейся Пруссии и пообещал им за это Кульмерланд и другие приграничные районы. В результате первые рыцари орденов пересекли Вислу в 1231 году и основали первый замок в Альт-Торне. Со временем было построено еще несколько новых замков и городов. Среди них был Эльбинг (ныне Эльблонг), портовый город, который сыграл важную роль в снабжении Бремена и Любека. В 1238 году рыцари Тевтонского ордена высадились с двух парусных судов в Эльбинге, чтобы исследовать залив Фриш-Гаф (ныне Калининградский залив). Фриш-Гаф – тихий залив к западу от современного Калининграда, отделенный косой от Балтийского моря. На высоком холме недалеко от моря рыцари увидели сильно развитую и укрепленную крепость, позднее ставшую орденским замком Бальга. Рыцари Ордена поняли, что благодаря своему выгодному положению крепость станет стратегически ценной отправной точкой для дальнейшего освоения Востока. Спустя год после первой неудачной попытки завоевания замок был взят.

Рыцари Ордена построили на основе укрепления современный замок Бальга. Вероятно, правители Ордена вывели название «Balga» из нижнегерманского термина «Balge», что означает «водный или болотистый район». Расположенные рядом с замком Бальга устья рек, таких как Мюленфлис в Хоппенбрухе и Воллите, также являются водными районами, что могло дополнительно повлиять на присвоение названия.

Между 1270 и 1290 годами немецкий рыцарский Орден начал возводить каменные постройки в замке и существенно его расширять. В результате документально подтвержденных раскопок под руководством Конрада Штайнбрехта в 1880 году, известно, что главный замок представлял собой неправильный шестиугольник. Он состоял из главного крыла, делящегося на три части, и крыла, обращенного к заливу. В основном крыле размещались зал для собраний, трапезная и часовня. С обеих сторон крыла, обращенного к заливу, располагались башни, на первом этаже находились кухня и пивоваренный завод, а в мансарде – спальни. Непосредственно к крылу, обращенному к заливу, с северной стороны примыкали ворота замка. Эта схема замка показывает, что Орден рыцарей следовал форме ранее существовавшей крепости пруссов.

Значение замка для освоения Востока

Орден рыцарей превратил Бальгу в могучую и, самое главное, неприступную крепость. Она была

ключом к восточным землям из-за благоприятного расположения в глубине вражеской территории пруссов. Орденский замок располагался на высоком крутом берегу залива. Берега перед замком, благодаря заливу, было легко достичь даже при бурной погоде на море. Замок был доступен для снабжения продовольствием морским путем, но в то же время был хорошо защищен от нападений со стороны моря благодаря крутому берегу. Защита с суши обеспечивалась наклонным рельефом, поясом болот и двумя реками. С 1239 года Бальга стала отправной точкой для дальнейшего строительства городских и крепостных сооружений – например, при застройке Кенигсберга. Исключительная стойкость Бальги была снова продемонстрирована во время попыток обратного завоевания пруссами с 1260 по 1273 год. Несмотря на жестокие атаки пруссов, Бальга оставалась неприступной. Примерно в 1300 году Бальга стала центром оживленных поселений. Из Бальги распространялись немецкое право, немецкий язык, немецкая культура и христианская вера. Округ духовно-рыцарского ордена Бальги оказал влияние на региональную архитектуру церквей и ратуш благодаря привлечению немецких строителей и на развитие сельского хозяйства путем поселения немецких земледельцев.

Бальга во время Второй мировой войны

Бальга не пострадала в боях в первые годы Второй мировой войны. Только в январе 1945 года Восточная Пруссия подверглась массированному нападению со стороны Красной Армии. Рихард фон Вайцзеккер, немецкий федеральный президент с 1984 по 1994 год, также участвовал в оборонительных боях в чине капитана вермахта. Он описывает сражение в Бальге как самое тяжелое за всю Вторую мировую войну.

Немецкие солдаты защищали в Восточной Пруссии пути эвакуации в Западную Германию. Замок и полуостров Бальга были одним из последних очагов этой борьбы. Отсюда через замерзший залив вел последний путь из северной части Восточной Пруссии в портовый город Пиллау (ныне Балтийск). Из Пиллау отплывали крупные суда, перевозившие гражданское население и раненых солдат в Западную Германию. Немецкий солдат Германн Ломанн, которому тогда было двадцать лет, стал очевидцем борьбы за последние позиции в заливе. Он пишет:

«В какой-то момент с берега залива я увидел поток беженцев, тоскливо движущийся по ненадежному льду залива. Постоянно, даже ногой, пролетали

русские самолеты и сбрасывали бомбы на мирных жителей, обстреливали их из бортовых орудий. На льду люди были полностью беззащитны перед нападением. Лед был завален телами мертвых людей, мертвых лошадей, разбомбленными автомобилями и разбросанным домашним имуществом. Это было ужасающее зрелище».

Германн Ломанн вырыл одиночный окоп на крутом склоне Бальги и был непосредственным свидетелем того, как пал орденский замок. Непосредственное разрушение замка началось 24 марта 1945 года при бомбардировке зажигательными гранатами и фосфорными авиационными бомбами. Вспыхнули все постройки. 25 марта 1945 года последовала массированная авиационная атака и обстрел тяжелой артиллерией.

Современное состояние замка Бальга

Замок Бальга за время своего существования сильно пострадал в результате различных событий. В 1701 году он служил в качестве каменоломни для возведения цитадели Пиллау, а в последних сражениях Второй мировой войны подвергался многодневному артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам. Позже он послужил бомбардировочным полигоном Красной Армии.

Сегодня от бывшего замка сохранились остатки массивных кирпичных и каменных сооружений, датируемых 1239 годом и ранее, которые были частично укреплены между 1929 и 1939 годами, а также 2014 и 2016 годами. Уже имеются глубокие трещины в опорных и крепостных стенах, подмывы, а также оползни и эродированные участки.

Руины замка с богатым историческим прошлым и сегодня не потеряли привлекательности для посетителей. Его стены все еще свидетельствуют о богатой событиями истории, от завоеваний немецких орденских рыцарей в раннем Средневековье до событий Второй мировой войны. Орденский замок Бальга находится в списке объектов культурного наследия, которые подлежат охране. Это включает не только восстановление и сохранение строений, но и обеспечение безопасности посетителей, посещение большинства исторических руин является рискованным. После Второй мировой войны их не исследовали должным образом, и нельзя исключать, что еще сегодня там находятся найденные мины, гранаты или другие боеприпасы. ▣

*Материалы предоставлены
компанией «Реммерс Группе АГ»*

Аренда за рубль

В рамках программы «Аренда за рубль» АУИПИК предлагает аренду объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии, в форме открытого аукциона с начальным размером арендной платы 1 рубль в год. Подробную информацию о зданиях и условиях аренды можно узнать на сайте агентства www.aupik.ru.

Солодежня

Объект культурного наследия федерального значения, один из наиболее известных памятников древнерусского гражданского зодчества. В XIX в. здание принадлежало барону Фитингофу.

Солодежня, XVII в.
Опсков

Дом Печенко

Объект культурного наследия федерального значения. Древнепсковская школа зодчества. Палаты построены артелью псковских каменщиков. Печенко — фамилия последних владельцев древних палат.

Торговый дом

Каменное здание, замыкающее восточную сторону Базарной площади в нижнем посаде Тобольска, исследователи относят к числу наиболее ранних каменных гражданских построек города, созданных в середине XVIII в.

Магистрат

Здание представляет собой пример одного из первых торгово-административных каменных зданий в Сибири XVIII в., дошедших до нас в хорошем состоянии и без значительных переделок.

Магистрат, 1774 г.
Тобольск

Дом Анны Монс, конец XVII в.
Москва

Дом Анны Монс

Каменные палаты, единственный сохранившийся жилой дом Немецкой слободы, памятник архитектуры рубежа XVII-XVIII вв. Легенда связывает здание с именем Анны Монс, фаворитки Петра I.

Промышленно-усадьбинный комплекс в Старожилово

В 1893 г. на территории своего Старожиловского имения барон фон Дервиз основывает конный завод. К его строительству барон привлекает великого архитектора Ф.О. Шехтеля.

Промышленно-усадьбинный комплекс в Старожилово, конец XIX в.
Рязанская обл.

Дворец Великого князя Михаила Николаевича, 1830-е гг.
○ ПЕТЕРГОВ

Дворец Великого князя Михаила Николаевича

Дворцово-парковый ансамбль Михайловка является одним из объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Дворец был построен для Михаила Николаевича, сына императора Николая I. До 1917 года Михайловская дача использовалась исключительно царской семьей.

Гостиница «Мадрид»

Одно из самых примечательных и оригинальных строений Уралмаша построено по проекту архитекторов В.В.Безрукова и П.В.Оранского. Здание является архитектурным памятником эпохи конструктивизма.

Гостиница «Мадрид», 1930-е гг.
○ ЕКАТЕРИНБУРГ

Писатель русской усадьбы

Творчество великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812-1891) неотделимо от образа провинциальной усадьбы XIX века. Действие всех трех его романов разворачивается в пространстве делового столичного Петербурга и успокоенной усадебной жизни. Это противопоставление носит философский характер: быт русской усадьбы воспринимается как настоящий, правильный и естественный, в то время как нездоровая суэта Петербурга кажется чем-то наносным и фальшивым. Предлагаем несколько фрагментов из его романов.

УСАДЬБА ГРАЧИ ИЗ РОМАНА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

1847 г.

С балкона в комнату пахло свежестью. От дома на далекое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – темно-синее, как небо, которое отражалось в нем, и едва подернутое зыбью. А там нивы с волнующимися, разноцветными хлебами шли амфитеатром и примыкали к темному лесу.

Анна Павловна, прикрыв одной рукой глаза от солнца, другой указывала сыну попеременно на каждый предмет.

– Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертой сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! и ведь все это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолепии! истинно небесное! рыба так и ходит; одну осетрину покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя-кишат: и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся.

Как устаешь там жить и как отдыхаешь душой здесь, в этой простой, несложной, немудреной жизни! Сердце обновляется, грудь дышит свободнее, а ум не терзается мучительными думами и нескончаемым разбором тяжёбных дел с сердцем: и то, и другое в ладу. Не над чем задумываться. Беззаботно, без тягостной мысли, с дремлющим сердцем и умом и с легким трепетом скользишь взглядом от рощи к пашне, от пашни к холму, и потом погружаешь его в бездонную синеву неба.

Иногда он переходил к окну, выходившему на двор и на улицу в село. Там другая картина, картина теньеровская, полная хлопотливой, семейной жизни. Барбос от зноя растянется у конуры, положив морду на лапы. Десятки кур встречают утро, кудахтая взапуски; петухи дерутся. По улице гонят стадо в поле. Иногда одна отставшая от стада корова тоскливо мычит, стоя среди улицы и оглядываясь во все стороны. Мужики и бабы, с граблями и косами на плечах, идут на работу. Ветер по временам выхватит из их говора два-три слова и донесет до окна. Там крестьянская телега с громом проедет по мостику, за ней лениво проползет воз с сеном. Белокурые и жестковолосые ребяташки, подняв рубашонки, бродят по лужам. Глядя на эту картину, Александр начал постигать поэзию серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака. Узкий щегольской фрак он заменил широким халатом домашней работы. И в каждом явлении этой мирной жизни, в каждом впечатлении и утра, и вечера, и трапезы, и отдыха присутствовало недремлющее око материнской любви.

УСАДЬБА ОБЛОМОВКА ИЗ РОМАНА «ОБЛОМОВ»

1859 г.

Илья Ильич занялся разработкою плана имения. Он быстро пробежал в уме несколько серьезных, коренных статей об оброке, о запашке, придумал новую меру, построже, против лени и бродяжничества крестьян и перешел к устройству собственного житья-бытья в деревне.

Его занимала постройка деревенского дома; он с удовольствием остановился несколько минут на расположении комнат, определил длину и ширину столовой, бильярдной, подумал и о том, куда будет обращен окнами его кабинет; даже вспомнил о мебели и коврах.

После этого расположил флигеля дома, сообразив число гостей, которое намеревался принимать, отвел место для конюшен, сараев, людских и разных других служб.

Наконец обратился к саду: он решил оставить все старые липовые и дубовые деревья так, как они есть, а яблони и груши уничтожить и на место их посадить акации; подумал было о парке, но, сделав в уме примерно смету издержкам, нашел, что дорого, и, отложив это до другого времени, перешел к цветникам и оранжереям.

Тут мелькнула у него соблазнительная мысль о будущих фруктах до того живо, что он вдруг перенесся на несколько лет вперед в деревню, когда уж имение устроено по его плану и когда он живет там безвыездно.

Ему представилось, как он сидит в летний вечер на террасе, за чайным столом, под непроницаемым для солнца навесом деревьев, с длинной трубкой и лениво втягивает в себя дым, задумчиво наслаждаясь открывающимся из-за деревьев видом, прохладой, тишиной; а вдали желтеют поля, солнце опускается за знакомый бережник и румянит гладкий, как зеркало, пруд; с полей восходит пар; становится прохладно, наступают сумерки; крестьяне толпами идут домой.

Праздная дворня сидит у ворот; там слышатся веселые голоса, хохот, балалайка, девки играют в горелки; кругом его самого резвятся его малютки, лезут к нему на колени, вешаются ему на шею; за самоваром сидит... царица всего окружающего, его божество... женщина! жена! А между тем в столовой, убранной с изящной простотой, ярко заблистали приветные огоньки, накрывался большой круглый стол; Захар, произведенный в мажордомы, с совершенно седыми бакенбардами, накрывает стол, с приятным звоном расставляет хрусталь и раскладывает серебро, поминутно роняя на пол то стакан, то вилку; садятся за обильный ужин; тут сидит и товарищ его детства, неизменный друг его, Штольц, и другие, все знакомые лица; потом отходят ко сну...

Лицо Обломова вдруг облилось румянцем счастья: мечта была так ярка, жива, поэтична, что он мгновенно повернулся лицом к подушке. Он вдруг почувствовал смутное желание любви, тихого счастья, вдруг зажаждал полей и холмов своей родины, своего дома, жены и детей...

Полежав ничком минут пять, он медленно опять повернулся на спину. Лицо его сияло кротким, трогательным чувством: он был счастлив.

Он с наслаждением, медленно вытянул ноги, отчего панталоны его засучились немного вверх, но он и не замечал этого маленького беспорядка. Услужливая мечта носила его легко и вольно, далеко в будущем.

Теперь его поглотила любимая мысль: он думал о маленькой колонии друзей, которые поселятся в деревеньках и фермах, в пятнадцати или двадцати верстах вокруг его деревни, как попеременно будут каждый день съезжаться друг к другу в гости, обедать, ужинать, танцевать; ему видятся все ясные дни, ясные лица, без забот и морщин, смеющиеся, круглые, с ярким румянцем, с двойным подбородком с неуывающим аппетитом; будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень.

— Боже, боже! — произнес он от полноты счастья и очнулся.

УСАДЬБА МАЛИНОВКА ИЗ РОМАНА «ОБРЫВ»

1869 г.

Какой эдем распахнулся ему в этом уголке, откуда его увезли в детстве и где потом он гостил мальчишкой иногда, в летние каникулы. Какие виды кругом — каждое окно в доме было рамой своей особенной картины!

С одной стороны Волга с крутыми берегами и Заволжьем; с другой — широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и всё это замыкалось далью синевших гор. С третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздух свежий, прохладный, от которого, как от летнего купанья, пробегает по телу дрожь бодрости.

Дом весь был окружен этими видами, этим воздухом, да полями, да садом. Сад обширный около обоих домов, содержавшийся в порядке, с темными аллеями, беседкой и скамьями. Чем далее от домов, тем сад был запущеннее.

Подле огромного развесистого вяза, с сгнившей скамьей, толпились вишни и яблони; там рябина; там шла кучка лип, хотела было образовать аллею, да вдруг ушла в лес и братски перепуталась с ельником, березняком. И вдруг всё кончалось обрывом, поросшим кустами, идущими почти на полверсты берегом до Волги.

Подле сада, ближе к дому, лежали огороды. Там капуста, репа, морковь, петрушка, огурцы, потом громадные тыквы, а в парнике арбузы и дыни. Подсолнечники и мак, в этой массе зелени, делали яркие, бросающиеся в глаза пятна; около тычинок вились турецкие бобы.

Перед окнами маленького домика пестрел на солнце большой цветник, из которого вела дверь во двор, а другая, стеклянная дверь, с большим балконом, вроде веранды, в деревянный жилой дом.

С другой стороны дома, обращенной к дворам, ей было видно всё, что делается на большом дворе, в людской, в кухне, на сеновале, в конюшне, в погребах. Всё это было у ней перед глазами, как на ладони.

Один только старый дом стоял в глубине двора, как бельмо на глазу, мрачный, почти всегда в тени, серый, полинявший, местами с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом, с тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками, но прочно и массивно выстроенный. Зато на маленький домик с утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили от него, чтоб дать ему простора и воздуха. Только цветник, как гирлянда, обвивал его со стороны сада, и махровые розы, далии и другие цветы так и просились в окна.

Около дома вились ласточки, свившие гнезда на кровле; в саду и роще водились малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночам щелкали соловьи.

Двор был полон всякой домашней птицы, разношерстных собак. Утром уходили в поле и возвращались к вечеру коровы и козел с двумя подругами. Несколько лошадей стояли почти праздно в конюшнях.

Над цветами около дома реяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышке крыльями бабочки, по углам жались, греясь на солнышке, кошки, котята.

В доме какая радость и мир жили! Чего там не было! Комнатки маленькие, но уютные, с старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей, и с улыбавшимися портретами отца и матери Райского, и также родителей двух оставшихся на руках у Бережковой девочек-малюток.

Полы были выкрашены, натерты воском и устланы клеенками; печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми из дома изразцами. Шкапы битком набиты старой, дрожавшей от шагов посудой и звеневшим серебром.

На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. Стульчики и кругленькие, с медными ободочками и с деревянной мозаикой, столики жались по уютным уголкам.

В кабинете стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное резьбой бюро с зеркалом, с урнами, с лирами, с гениями.

Но бабушка повесила зеркало. «Мешает писать, когда видишь свою рожу напротив», — говорила она.

Еще там был круглый стол, на котором она обедала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей старинное же кресло с высокой спинкой рококо. ▣

Summary

RUSSIAN ESTATE | 8-23|

They can still be saved!

The central article of this issue tells about seven large estate complexes of the Moscow region which require urgent investments.

«The Manor Express» of Vadim Razumov

The article tells about a new successful initiative of the famous Russian blogger and heritage popularizer Vadim Razumov. He offers the unique tours throughout Russian estates to history and culture lovers, using train instead of an ordinary bus as a means of transportation.

Russian estates and modern rural development

The well-known economist Alexander Petrikov, member of the Russian Academy of Sciences, offers his vision of the situation with the preservation of provincial estates, as well as the analysis of how the revival of old estates can be inscribed in the development of rural areas in Russia.

HERITAGE | 26-37|

Two houses – two destinies

Two masterpieces of Russian Baroque and Classicism architecture are associated with the name of the Lobanov-Rostovskys noble family. Grand Palace in St. Petersburg and a cozy mansion in the centre of Moscow. The story of his ancestors' property is commented by Prince Nikita Lobanov-Rostovsky, a well-known London collector and philanthropist.

Pushkin's heritage in Gurzuf

The article by Dr. Alexander Lyusy, a renowned Russian scholar specializing in cultural studies, provides a biographic and semiotic analysis of the days and works of the poet Alexander Pushkin who spent a fortnight in Crimean Gurzuf in 1820. This article is followed by another research by the same author on "the Crimean text" in the history of the Russian literature.

AUIPIK OBJECTS | 36-39|

The Teutonic knights' castle of Balga

In the article by the German researcher Henrike Boog you will get to know the history of one of the oldest buildings in the modern Russia – the knight castle of Balga built by the Teutonic Order in the first half of the 13th century near Königsberg. During the Second World War the castle was destroyed, now the concept of its restoration is being created.

| 50-53|

See the photogallery of cultural heritage sites that are managed by the Cultural and historical monuments management agency CHMMA and are offered for rent under the program "Rent for one ruble". The buildings have great historical value, although their condition now is unsatisfactory.

OPINION | 54-57|

The magazine also presents the columns by the famous Russian writers Evgeniy Popov and Marina Kudimova, devoted to the personal impressions and memories of their visits to historical places of Russia.

АУИПИК

АГЕНТСТВО ПО УПРАВЛЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры»

Основной целью деятельности Агентства является сохранение, эффективное использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, находящихся в оперативном управлении Агентства.

КОНТАКТЫ

Юридический и фактический адрес:

125009, г. Москва, Дегтярный пер., д.8, стр.3

Телефон/факс: +7 (499) 705-20-00

E-mail: info@auipik.ru

Пресс-служба: press@auipik.ru

Сайт Агентства: <http://auipik.ru/>

Страница Агентства на Facebook: www.facebook.com/groups/AUIPIK/

Страница Агентства во ВКонтакте: vk.com/auipik

VI САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

16–18 ноября 2017 года

СЕКЦИЯ «СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

Санкт-Петербургского международного культурного форума 2017 г.

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ:

- Историко-культурное конное наследие России и Европы
- Подводное культурное наследие
- Возрождение русской усадьбы – приоритет регионального экономического развития
- Революция и Наследие

ОРГАНИЗАТОР СЕКЦИИ:

ФГБУК «АГЕНТСТВО
ПО УПРАВЛЕНИЮ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»

САЙТ ФОРУМА

www.culturalforum.ru

СТРАНИЦА ФОРУМА НА FACEBOOK

<https://www.facebook.com/culturalforumspsb>

СТРАНИЦА ФОРУМА ВО ВКОНТАКТЕ

<https://vk.com/culturalforumspsb>